

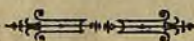
В. Москвитин

Проф. М. Н. Сперанскій.

2

НОВАЯ И НОВѢЙШАЯ

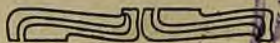
Русская Литература.

*Курсъ, читанный въ Московскомъ Императорскомъ
Университетѣ въ весеннемъ семестрѣ 1912 г.*

По запискамъ слушателей про-
вѣреннымъ Профессоромъ.

МОСКВА.

Типо-Литографія В. И. ТИТЯЕВА, Срѣтенскія ворота, домъ Малюшина.

1912.

200 а
200
X 0

1459a

228

...

...

...

...

...

...

...

Ф. Б.
КАМЫШЛОВСКОЙ
ЖЕНС. ГИМНАЗИИ
ИНВЕНТАРЬ № 1953

ЛЕКЦІЯ 1-АЯ. Отдѣль № _____

Главной темой нашего курса будетъ служить исторія литературнаго движенія, совершавшагося подъ вліяніемъ Пушкина и его современниковъ. Развитие русской литературы въ этотъ періодъ представляется еще во многомъ неяснымъ для насъ, хотя со смерти Пушкина прошло 75 лѣтъ; до тѣхъ же поръ, пока этотъ періодъ остается недостаточно изученнымъ, не мыслимо, конечно, и полное систематическое изображеніе развитія русской литературы послѣ-пушкинскаго періода.

Взявъ темой для курса русскую литературу послѣ Пушкинскаго періода /начиная съ 30-хъ г.г. и далѣе/, мы не можемъ претендовать на полноту изложенія; но отдѣльныя литературныя явленія этой эпохи мы имѣемъ возможность прослѣдить впередъ и назадъ, и, притомъ, явленія самыя крупныя и наиболѣе характерныя для своего времени. Эти явленія можно раздѣлить на 2 рода: во-первыхъ, явленія индивидуальнаго характера - дѣятельность отдѣльныхъ выдающихся писателей, создателей литературныхъ направленій, и, во вторыхъ, общія впечатлѣнія о литературѣ. Эти послѣднія въ изучаемый періодъ были въ значительной степени не новы; онѣ не были созданы

въ теченіе его, но корни ихъ лежали за гранью эпохи 30-хъ г.г. переходили въ значительной мѣрѣ назадъ, вглубь прошлаго, доходя даже до XVIII в.

Такимъ образомъ, передъ нами выясняется общая картина взятой нами литературной эпохи: съ одной стороны, мы наблюдаемъ въ ней общія теченія, а съ другой дѣятельность отдѣльных писателей, развивавшихъ старія литературныя теченія и давшихъ матеріалъ для новыхъ направленій. Отсюда вытекаетъ отчасти монографическій планъ нашего курса: мы будемъ изучать дѣятельность отдѣльных писателей въ связи съ литературнымъ фономъ, на которомъ они дѣйствовали и который обуславливалъ нѣкоторыя особенности ихъ творчества, а рядомъ съ этими чертами, общими у нихъ съ другими писателями той эпохи, выяснимъ ихъ индивидуальныя особенности. Въ теченіе всего курса мы должны принимать во вниманіе это постоянное скрещиваніе, взаимное вліяніе общихъ литературныхъ теченій и дѣятельности отдѣльных писателей, чертъ общего характера и индивидуальныхъ особенностей писателей.

Нашъ курсъ мы обозначили хронологически: русская литература послѣ Пушкина; но точной хронологической даты въ данномъ случаѣ невозможно дать. Дѣло въ томъ, что смерть Пушкина не можетъ служить такой гранью, которой возможно было бы начать новый періодъ въ развитіи русской литературы; несмотря на огромное значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы, конца его жизни было недостаточно, чтобы закончился

одинъ періодъ ея и начался другой. Это противорѣчило бы всему характеру развитія русской литературы, какъ явленія историческаго.

Своею дѣятельностью Пушкинъ закончилъ существованіе ряда прежнихъ литературныхъ теченій: /сентиментализма: французской классической школы, иначе называемой "ложно-классицизмом"/, но при всемъ рѣшавшемъ значеніи литературныхъ выступленій Пушкина: нельзя утверждать, что со смертію его въ развитіи русской литературы произошелъ переломъ; въ Пушкиннѣмъ не было положено начало новому направленію, на основахъ котораго развивалась затѣмъ русская литература. Нашимъ отрицаніемъ такого рѣшающаго значенія за концомъ жизни Пушкина, мы вовсе не хотимъ умалить значеніе великаго поэта, но лишь ставимъ его дѣятельность и значеніе въ предѣлы развитія русской литературы. Необходимость сдѣлать это подтверждается мнѣніями ближайшихъ, по времени, къ Пушкину: мыслителей и критиковъ, которые задавали себѣ тотъ же вопросъ о значеніи Пушкина и о мѣстѣ его въ исторіи русской литературы.

УІІІ-й томъ сочиненій В. Бѣлинскаго замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ впервые былъ поставленъ вопросъ о значеніи Пушкина, хотя взглядъ на Пушкина претерпѣлъ у насъ со времени Бѣлинскаго значительныя измѣненія. Но мнѣнію Бѣлинскаго, Пушкинъ въ своемъ творествѣ былъ поэтомъ, прежде всего удовлетворявшимъ своимъ потребностямъ; этотъ взглядъ

былъ значительно измѣненъ послѣдующими изслѣдователями: смотря на дѣятельность Пушкина болѣе объективно, болѣе широко, мы не сводимъ уже значеніе ея къ значенію личности поэта, но смотримъ на нее, какъ на историческій фактъ. Впрочемъ и этотъ выводъ подсказанъ Бѣлинскимъ, такъ какъ для пониманія значенія дѣятельности Пушкина, онъ сталъ изучать весь ходъ развитія русской литературы, начиная съ петровской эпохи, т.е. Бѣлинскій взглянулъ на Пушкина какъ на историческое явленіе. Этотъ примѣръ показываетъ, что уже черезъ 5 - 6 лѣтъ послѣ своей смерти Пушкинъ сталъ предметомъ историческаго изученія. Тѣмъ болѣе обязательнъ этотъ методъ для насъ.

Взять для изученія литературу "послѣ Пушкина" значитъ, что въ этотъ періодъ мы имѣемъ возможность лучше изучить тѣ элементы ея, которые не были ясны до Пушкина. Но они существовали и до Пушкина, такъ какъ не онъ одинъ былъ создателемъ новой русской литературы. Художественный реализмъ, на примѣръ, въ значительной степени является созданіемъ Пушкина, но мы не можемъ приписать его введеніе въ русскую литературу одному Пушкину, такъ какъ обидѣли бы этимъ рядъ другихъ писателей. Въ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ охватывалъ лишь одну сторону дѣйствительности - положительную, а рядомъ съ нимъ, подъ вліяніемъ даннаго Пушкинымъ толчка, дѣйствуетъ другой великій реалистъ Го-

голь, избравшій въ своихъ произведеніяхъ отрицательныя стороны дѣйствительности, изнанку жизни. Притомъ же только послѣ Пушкина художественный реализмъ развивается настолько, что можетъ стать основой для дальнѣйшаго развитія русской литературы. Такъ смотрѣли на значеніе Гоголя и современники: въ 50-хъ г.г. появились "Очерки гоголевскаго періода русской литературы" Н.Г.Чернышевскаго; въ глазахъ автора, кромѣ тѣхъ политическихъ и социальныхъ явленій, которыя онъ находить отиѣченными у Гоголя, настолько важна самая художественная сторона его дѣятельности, что онъ находить возможнымъ говорить объ особомъ Гоголевскомъ періодѣ въ развитіи русской литературы.

Уже наличность столь различныхъ воззрѣній на Пушкина, какъ взгляды Писарева и Боборкина, показываетъ, что при изученіи происхожденія новыхъ теченій въ русской литературѣ мы не можемъ ограничиться рассмотрѣніемъ воззрѣній и дѣятельности одного Пушкина, такъ какъ онъ былъ не единственнымъ творцомъ ихъ, а лишь главой или родоначальникомъ. Да и самъ Пушкинъ не былъ Минервой, вышедшей изъ головы Зевса, но явился, какъ продуктъ органическаго развитія русской литературы, начиная съ XVIII в.

И, дѣйствительно, если заглянуть въ направленія 40-хъ г.г. и обратить вниманіе на ихъ социалистическій и идеалистическій характеръ, то станетъ ясно: невозможность поставить ихъ всецѣло въ связь съ дѣятельностью Пушкина. Философія

теченія 40-хъ г.г. не могутъ быть возведены ни къ Пушкину, ни къ Гоголю, такъ какъ Пушкинъ не связывалъ себя ни съ какимъ опредѣленнымъ философскимъ направленіемъ, а Гоголь выработалъ свое особое, отличное отъ 40-хъ г.г., міровоззрѣніе. Главными умственными теченіями 40-хъ г.г. были славянофильство и западничество, но Пушкинъ и Гоголь остались въ сторонѣ отъ нихъ, такъ какъ при жизни Пушкина эти направленія находились въ зачаточномъ состояніи и поэтъ не могъ предугадать ихъ будущаго значенія; Гоголь, жившій въ концѣ Пушкинскаго періода, попытался учесть ихъ, но учелъ такъ, что мы ясно видимъ невозможность для него прикинуть ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ теченій. Славянофильство и западничество имѣли огромное значеніе въ ходѣ развитія русской мысли, а между тѣмъ они зародились въ русла дѣятельности Пушкина и Гоголя, и приобрѣли силу тогда, когда дѣятельность обоихъ писателей отлилась уже въ опредѣленную форму. Такія теченія зародившіяся и развивавшіяся отдѣльно, независимо отъ дѣятельности корифеевъ нашей литературы, мы также должны принять въ вниманіе при изученіи избраннаго нами періода.

Изъ всего вышесказаннаго должно ясно слѣдовать, каковъ **долженъ** быть планъ изложенія нашего курса: мы будемъ, говоря объ отдѣльныхъ писателяхъ, указывать тѣ стороны ихъ дѣятельности, которыя важны для объясненія общихъ теченій въ нашей литературѣ, а, говоря объ общихъ теченіяхъ, мы будемъ

дѣлать указаніе на вліяніе, которое они оказали на творчество отдѣльных писателей.

То обстоятельство, что я все же выбралъ начальной гранью намѣченнаго для изученія періода, смерть Пушкина объясняется тѣмъ, что если Пушкинъ и не принималъ участія въ рядѣ литературныхъ теченій, пріобрѣтшихъ впоследствии важное значеніе, то все же онъ былъ очень круной личностью, основателемъ и дѣятелемъ литературнаго направленія, имѣвшаго огромное значеніе въ исторіи русской литературы. По этимъ соображеніямъ смерть Пушкина можно принять въ качествѣ условной хронологической даты для начала нашего курса.

Рядомъ съ Пушкинымъ въ русской литературѣ дѣйствовалъ еще рядъ другихъ дѣятелей: это были отчасти его сверстники, отчасти писатели старшаго поколѣнія и отчасти болѣе молодые, учившіеся у Пушкина. Писатели старшаго поколѣнія, какъ представители отживающихъ направленій, были уже не столь вліятельны. Наиболее интересны изъ нихъ Крыловъ, Вяземскій, Жуковскій, Дмитріевъ и нѣкоторые другіе. Этимъ писателямъ приходилось считаться съ новыми литературными явленіями, съ новыми теченіями, представителемъ которыхъ былъ Пушкинъ. Они служили органической связью между до-Пушкинскими писателями и Пушкинскимъ поколѣніемъ. Въ литературу они приносили зачатки, полученные ими отъ прежнихъ направленій, но приспособляли ихъ къ новымъ потребностямъ. Для этого поколѣнія писателей характеренъ Жуковскій, который началъ

свою дѣятельность при французской классической школѣ, прошелъ стадію Карамзина /сентиментализмъ/, дожилъ до романтической школы /когда началъ свою дѣятельность Пушкинъ/, жилъ еще при господствѣ реализма и умеръ въ 1852 г., когда русская литература пережила Пушкина, въ разгарѣ борьбы славянофильства и западничества. Жуковскій является для насъ какъ бы живой литературной лѣтописью, служить показателемъ того, насколько старая литература была въ состояніи воспринимать новыя вѣянія. Жуковскій такъ и не доросъ до художественнаго реализма въ полномъ смыслѣ этого слова, но онъ не оставался глухъ къ его требованіямъ; будучи въ основѣ своего духовнаго склада индивидуалистомъ-сентименталистомъ, поэтому личной скорби, Жуковскій не оставался совершенно чуждъ ни Байронизма, ни націонализма /проявлявшася въ произведеніяхъ Пушкина/. Въ литературной дѣятельности Жуковского, какъ на барометрѣ, отражаются волны, пробѣгавшія въ литературѣ. Воспитанный въ школѣ сентиментализма, Жуковскій переводилъ модныхъ романтиковъ, выбирая произведенія, подходившія къ его настроенію. Далѣе въ романтизмѣ проявлялось стремленіе изучить народность, опредѣлить ея психологическую сущность; то было время, когда горячо дебатировался Гомеровскій вопросъ, изучался эпосъ и т.п. Жуковскій, для котораго, какъ для человѣка, воспитаннаго на французской классической литературѣ, эти вопросы были чужды, все же попытался отразить въ своей дѣятельности и это направленіе.

Въ этомъ случаѣ Жуковскій явился пассивнымъ работникомъ: онъ перенесъ въ русскую литературу матеріаль, накопленный въ З. Европѣ; перевелъ Рустема и Зораба, Одиссея, Наль и Дамаянты и часть Энеиду /почитавшуюся въ то время за произведение народнаго эпоса/, и задумывалъ поему, построенную на русскихъ сказкахъ.

Крыловъ, жившій такъ же долго, какъ и Жуковскій, началъ съ типичнаго для конца XVIII в. рода литературныхъ произведений: съ общественной сатиры /довольно узкой по содержанию/; затѣмъ онъ перешелъ къ сочиненію драмъ и комедій въ французско-классическомъ духѣ и кончилъ литературными произведеніями въ народномъ духѣ — баснями. Возникаетъ вопросъ: почему Крыловъ создалъ въ концѣ концовъ именно народную басню? Дѣло въ томъ, что народность уже носилась въ томъ воздухѣ, которымъ дышала русская литература; уже Дмитріевъ и другіе представители сентиментальнаго направленія чувствовали стихійное стремленіе къ народности въ литературѣ. То же общее тяготѣніе русской литературы къ народности, а вовсе не вліяніе Лафонтена, повлекло къ ней и Крылова.

Гоголь уже въ 20-21 г.г. обнаружилъ склонность къ литературнымъ занятіямъ; его литературный вкусъ развивался подъ вліяніемъ старыхъ литературныхъ традицій, которыя уже отжили свой вѣкъ въ столицахъ, но были еще сильны въ провинціи. Первое литературное выступленіе Гоголя носило слѣды вліянія сентиментально-романтической школы, вліянія Жуковскаго; но

вскорѣ Гоголь сжегъ своего неудачнаго "Ганса Кххельбекера" и написалъ независимо отъ вліянія Пушкина "Вечера на хуторѣ близъ Диканки". Созданіе Гоголемъ именно такого народнаго произведенія не должно удивлять насъ, такъ какъ малорусская среда, гдѣ выросъ Гоголь, была ближе къ народу, чѣмъ русское общество. Связь между дѣятельностью Пушкина и Гоголя можетъ быть доказана, но Гоголь въ своемъ реализмѣ былъ самостоятеленъ и пошелъ въ этомъ направленіи дальше Пушкина.

Итакъ, Пушкинъ уже засталъ въ русской литературѣ зачатки того направленія, представителемъ котораго онъ былъ. Эти зачатки не прекратили жизни и при Пушкинѣ, хотя испытали его вліяніе. Поэтому, анализируя дѣятельность Пушкина, мы должны въ то же время изучать теченія, возникшія до Пушкина и существовавшія рядомъ съ нимъ. Того же метода слѣдуетъ придерживаться и говоря о дѣятельности писателей 40 и 50 г.г.

ЛЕКЦІЯ II-АЯ.

Первой крупной величиной въ разсматриваемый періодъ русской литературы, величиной имѣвшей большое общественное значеніе былъ Гоголь. При ближайшемъ ознакомленіи съ дѣятельностью Гоголя, я обраду вниманіе на тѣ черты писательскаго и духовнаго его облика, которыя помогутъ выяснить намъ данныя, необходимыя для общаго представленія о литературѣ того времени. Изучая Гоголя, надо обратить вниманіе также на среду, которая обусловила тѣ или инныя черты характера писателя.

Несомнѣнно, что

воздѣйствіе среды на писателя играетъ большую роль: среда оказываетъ на человѣка всего болѣе вліянія при сложеніи характера человѣка, въ его раннемъ возрастѣ. Съ другой стороны вліяніе среды можетъ объяснить намъ многое въ самой дѣятельности писателя. Поэтому слѣдуетъ сказать нѣсколько о той средѣ, подъ воздѣйствіемъ которой начало выработываться міросозерцаніе Гоголя.

Въ отличіе отъ ряда другихъ писателей Гоголь не принадлежалъ къ господствующей національности, такъ какъ по рожденію онъ былъ малороссъ. Это одно уже заставляеть насъ внимательнѣе взглянуть на состояніе культуры въ той средѣ, среди которой онъ выросъ и развивался. Обѣ русскія національности находились въ тѣсномъ культурномъ общеніи: сначала южн. русская оказала большое вліяніе на сѣверную, потомъ обратно, сѣверно-русская литература имѣла важное значеніе при развитіи малорусской. Но все-таки эта послѣдняя не была заглушена подъ давленіемъ общегосударственной литературы, и люди, жившіе въ Малороссіи, испытывали вліяніе и обще-русской литературы и вліяніе м.русской среды и литературы, выросшей при своеобразныхъ условіяхъ. Дѣйствительно, заглядывая въ исторію Малороссіи и ея литературы, мы увидимъ, что послѣдняя какъ разъ переживала моментъ своего развитія, имѣвшій вліяніе на культурныя теченія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ развивалось міросозерцаніе Гоголя.

Съ половины ХУІІІ в. м.русская литература начинаетъ

оживляться, переживать блестящий свой период, не видный с внешней стороны, но по внутреннему содержанию имевший большое значение: центром этого оживления была Полтавщина. Это было время своеобразных умов в роду Григория С.Сковороды, вышедшего на путь реальной философии и этики в жизни, будителя нравственности, подобно Досифею Обрадовичу или Вуку Караджичу в Сербии. Это было время деятельности Котляревского, который, стоя во главе дела направления, хотя подчинялся ^в русским образцам, но в произведениях своих проявлял свое чувство солидарности с народным мирозерцанием. И если он пишет нескладные оды на в.русском и м.русском языках, его "Энеида" является одним из характерных памятников м.русской народности. В литературе м.русской нет еще тогда того антагонизма к в.русской, какой высказался позже, но у Котляревского видно ясное сознание своей национальной обособленности, а Котляревский был учителем Гоголя в народной полтавской школе и в детском возрасте. Движение, начатое Котляревским, нашло себя продолжателей, и то народное самосознание, которое выразилось у него, развивалось в ряде интеллигентных кружков м.русского населения. Движение это является в сущности, возрождением народно-национального подъема XVI - XVII в.в. мы находим в нем то юмористически-недовѣрчивое отношение к "кацану", "москалю", то враждебное отчуждение от соседней культурной польской нации, которая служат ясными чертами

возрожденія ХУІІ в.- результата борьбы Малой Руси съ Польшей и сближенія съ Московской Русью.

Эти черты въ значительной степени подчеркиваютъ особую любовь къ своей національности, развившуюся внѣ зависимости отъ зап.евр. романтизма. И мы видимъ, что А.Палицынъ, занимавшійся стихотворнымъ переводомъ "Слова о полку игоревѣ" /1807/ и рядомъ съ этимъ переводившій тяжелыми стихами "Сады Делиля", на склонѣ дней своихъ /около 1812 г., онъ умеръ въ 1813 г./ заканчиваетъ свои мемуары, гдѣ рассказываетъ о своихъ жизненныхъ впечатлѣніяхъ; мы видимъ, что онъ не можетъ устоять отъ того, чтобы не посвятить рядъ страницъ народной литературѣ, обычаямъ, языку своей родины. Далѣе движеніе отливается въ опредѣленныя формы, центромъ его становится Харьковъ, гдѣ появляется рядъ собирателей народныхъ пѣсень, писателей, пробующихъ вложить народное м.русское содержаніе въ поэтическія формы, родоначальникомъ чего опять является Котляревскій со своей "Наталкой-Полтавкой"; тутъ пишутъ Склабовскій, Дунинъ-Барковскій. Около 20-хъ г.г. ХІХ в. въ Харьковѣ уже начинается издаваться "Украинскій Журналь", посвященный изученію Малороссіи, ея обычаевъ, народного творчества; въ журналѣ мы видимъ начатки серьезнаго изученія своей родины: здѣсь встрѣчаются описанія м.русскихъ обычаевъ, правда, смѣшиваемыхъ иногда съ галицкими и польскими, печатается рядъ документовъ изъ мѣстныхъ архивовъ, рядъ историческихъ изслѣдованій, посвященныхъ мѣстной ста-

ринѣ. Журналъ выходилъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ и былъ любимой книгой Гоголя во время пребыванія его въ Нѣжинской гимназіи. Вообще ко времени сложенія міросозерцанія Гоголя дѣло возрожденія м.русской литературы стоитъ довольно прочно.

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей этого возрожденія является Трошинскій, магнатъ-помѣщикъ, обладавшій огромной бібліотекой, состоявшей изъ тѣхъ произведеній, которыя считались при Екатеринѣ II-ой необходимыми для образованнаго человѣка, т.е.: ложно-классическая французская литература, также философская эпохи Просвѣщенія и рядъ подражательныхъ русскихъ произведеній, а рядомъ съ этимъ въ ней было все, что могло касаться такъ или иначе Малороссіи: изданія XVII в., описанія Украйны, образцы м.русской драмы, сборники пѣсень и т.д. Составъ этой бібліотеки уже даетъ представленіе объ образованномъ малороссѣ конца XVIII в., воспитавшемся на иностранной и русской литературѣ, но сохранившемъ свое національное самосознаніе. Вотъ приблизительно та среда, въ которой слагалось міросозерцаніе Гоголя, и нѣкоторыя біографическія справки намъ покажутъ, какъ происходило ея вліяніе.

Гоголь родился въ 1809 г. въ семьѣ мелкаго помѣщика, сохранившей связь съ народной средой, хотя интеллигентной: въ ней читали русскія книги, но говорили между собой по м.русски, соблюдали все м.русскіе обычаи. Отецъ Гоголя былъ до известной степени членомъ интеллигентныхъ м.русскихъ кружковъ, былъ

авторъ двухъ рукописныхъ пьесъ въ народномъ духѣ. Какъ писатель и родственникъ, отецъ Гоголя находился въ тѣсномъ сношеніи съ дворцомъ Троцинскаго. Самъ Гоголь, получивъ начальное образованіе, поступилъ въ Полтавскую школу, гдѣ его и училъ Котляревскій, черезъ годъ вышелъ изъ школы, нѣсколько времени жилъ дома, а въ 1821 г. поступилъ въ Нѣжинскую Гимназію Высшихъ Наукъ, основанную княземъ Безбородко. Эта гимназія представляла одинъ изъ запоздалыхъ результатовъ либеральной эпохи первой половины царствованія Александра I-го: мысль объ учрежденіи этой гимназіи возникла у кн. Безбородко еще въ 1806 г., затѣмъ война 1812 г. и эпоха Аракчеева затормозили ея осуществленіе, и только въ 1812 г. съ большимъ трудомъ она была приведена въ исполненіе, при чемъ гимназія представляла собой заведеніе, подобное Александровскому лицей. Но была, конечно, громадная разница между нею и столичнымъ учебнымъ заведеніемъ: Александровскій лицей имѣлъ лучшія педагогическія силы, былъ излюбленнымъ дѣтищемъ высшихъ сферъ, и эти благопріятныя условія отсутствовали въ Гимназіи Высшихъ Наукъ. Тѣ же программы по внѣшности, та же свобода и широкій доступъ вліянію общественныхъ теченій въ стѣнахъ учебнаго заведенія сближали ихъ, но съ интеллектуальной стороны дѣло было поставлено плохо. Первоначальный педагогическій персоналъ Гимназіи не былъ такъ плохъ: директоръ ея галичанинъ Кукольникъ

/отецъ извѣстнаго писателя-драматурга/ пробоваль организо-
вать, какъ слѣдуетъ, новое учрежденіе; но преемникъ его га-
личанинъ же Орлай и рядъ другихъ являлись не на своемъ мѣс-
тѣ. Получивъ образованіе на Западѣ, они были чужды окружаю-
щей ихъ средѣ, въ которой приходилось имъ работать. Орлай
держаль еще Гимназію въ своихъ рукахъ, благодаря твердому
характеру, но съ уходомъ его она мало-по-малу распадается,
теряя окончательно связь съ окружающею средой. Такимъ обра-
зомъ, если Пушкинъ говорилъ, что онъ въ своемъ лицѣ ниче-
му не выучился, Гоголь еще съ большимъ правомъ могъ сказать,
что изъ Гимназіи онъ ничего не вынесъ. Недочеты образованія
Пушкина возмѣщались той культурной средой, въ которой онъ
вращался; окружающая же Гимназію Высшихъ наукъ среда не
могла возмѣстить недостатки образованія Гоголя: мелкопомѣст-
ное населеніе, отсталые провинціальныя взгляды и идеи - вотъ
что окружало ее. И Гоголь потому явился въ Петербургъ мало
подготовленнымъ для той роли, которую онъ взялъ на себя, и
долженъ былъ еще многому учиться. Впрочемъ близость къ м.рус-
ской народности съ ея типичными чертами составляла положи-
тельную сторону той среды, въ которой вращался Гоголь, и
эту связь съ народностью Гоголь и вынесъ изъ Гимназіи Выс-
шихъ Наукъ.

Пересмотръ произведеній задуманныхъ и осуществленныхъ имъ
во время пребыванія въ Ніжинѣ убѣждаетъ насъ, что мѣстные
черты сказались у Гоголя позднѣе. Самъ онъ признается, что

въ Гимназіи увлекался чтеніемъ произведеній Жуковскаго, Языкова, Пушкина, а также писателей этого направленія, выразителемъ котораго былъ "Вѣстникъ Европы". Однако, вліяніе этой литературы ослаблялось тѣмъ, что произведенія эти попадали въ Нѣжинъ только въ отрывкахъ, частью и значительно позже выхода: въ то время, какъ Жуковскій переходилъ въ собственно романтическое направленіе, Гоголю онъ былъ извѣстенъ, какъ писатель сентименталистъ, по своимъ раннимъ произведеніямъ. Пушкинъ, хотя имѣлъ большое значеніе для Гоголя, но органически Гоголь не могъ подойти къ нему, такъ какъ послѣдовательная связь его съ прошлыми произведеніями русской литературы, необходимая для пониманія его, мало была извѣстна Гоголю, и Гоголь, вѣроятно, не оцѣнивалъ значенія Пушкина въ общемъ ходѣ русской литературы. По крайней мѣрѣ, значительно позднѣе, когда Гоголь познакомился съ Пушкинымъ и находился подъ его вліяніемъ, онъ въ своей статьѣ о "Борисѣ Годуновѣ" /въ "Арабескахъ" 1835 г./ ясно выразилъ свое непониманіе истиннаго значенія этой драмы, взглянувъ на нее односторонне.

Въ произведеніяхъ, созданныхъ въ Нѣжинѣ: "Братья Твердиславичи" и "Двѣ рыбки", также, вѣроятно, въ отрывкахъ изъ недошедшаго до насъ гимназическаго журнала мы видимъ то же запоздалое проявленіе романтики. "Братья Твердиславичи" представляютъ собой псевдо-народную, въ духѣ Чулкова, героическую поему; "Двѣ рыбки" были написаны вскорѣ послѣ смерти

брата Гоголя, написаны въ шаблонномъ романтическомъ духѣ, вродѣ пьесъ Каменева, на старнй ладѣ обрабатывавшаго новое романтическое содержаніе. Первое произведеніе Гоголя, напечатанное въ Петербургѣ: "Ганцъ Квхельгартенъ" есть только первый шагъ на дорогу настоящаго романтизма. При этомъ письма Гоголя къ матери за 1828 г. поражаютъ насъ своей наивностью, какъ наивно издалъ онъ и "Ганца Квхельгартена", встрѣченнаго критикой, какъ запоздалое проявленіе романтики во время развитія художественнаго реализма.

Въ результатѣ всего этого Гоголь приходитъ къ убѣжденію, что онъ совсѣмъ не подготовленъ къ дѣятельности въ той средѣ, въ какую попалъ, и начинаетъ учиться снова; онъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ зап. европейской литературой, и Пушкинъ заставляетъ его читать Мольера, Шекспира, Сервантеса и др. Еще въ меньшей степени было у Гоголя научное образованіе, тѣмъ болѣе, что у него не хватало совсѣмъ научно-педагогической подготовки, которую не могли ему дать преподаватели Гимназіи В.Н., большей частью второго и третьяго сорта. Въ томъ причинна его не успѣха въ профессорской дѣятельности. Зато поне- многу начинаетъ сказываться у Гоголя воздѣйствіе среды, въ которой онъ выросъ. Если онъ пишетъ матери письма, въ которыхъ проситъ о присылкѣ ему всевозможныхъ матеріаловъ, относящихся къ Малороссіи, мотивируя эту просьбу тѣмъ, что въ Петербургѣ интересуются подобными свѣдѣніями, это объясняется именно тѣмъ чувствомъ народности и потребностью его вир-

женія, которое онъ внёсъ изъ окружавшей его въ дѣтствѣ среды, хотя самъ онъ старался прикрыть это наружными мотивами. И несомнѣнно, что всѣ мечты Гоголя о государственной дѣятельности, достойной "великаго мужа" Трошинскаго, показываютъ также стремленіе выйти на настоящую дорогу, которую онъ и находитъ позднѣе въ литературной дѣятельности. И несомнѣнно, что это была его сильная сторона, такъ какъ мы видимъ послѣдствіемъ собранія подобныхъ матеріаловъ "Вечера на хуторѣ близъ Диканьки". Сопоставивъ это произведеніе съ научными работами Гоголя, станетъ ясно, что въ послѣднихъ онъ школьникъ, отчасти риторъ, писатель художникъ, взявшійся не за свое дѣло, въ первомъ - полный хозяинъ. Недаромъ Пушкинъ, одинъ изъ первыхъ прочитавшій "Вечера", былъ пораженъ художественнымъ реализмомъ и народностью ихъ и могъ сказать: "что за прелесть эти "Вечера...". Пушкинъ почувствовалъ индивидуальную особенность м.русскаго уклада въ этомъ произведеніи и сразу оцѣнилъ значеніе его.

Своими "Вечерами" Гоголь внёсъ въ русскую литературу то, чего тамъ еще не было. Правда, проявленія народности въ русской литературѣ бывали, и самъ Пушкинъ далъ толчекъ къ дальнѣйшему ея развитію, напр. въ "Русланъ и Людмилѣ" и "Борисъ Годуновѣ", но у самого Пушкина идея народности проходила сквозь призму ненароднаго воззрѣнія, и лишь въ "Русалкѣ" /1836/ Пушкинъ вполне могъ ее выразить. У Гоголя эта идея вылилась сразу, и было внесено въ русскую литературу то, че-

го въ ней нехватало, чѣмъ и объясняется отзывъ искренняго и правдиваго Пушкина. Что касается критики, то она по отношенію къ "Вечерамъ" раздѣлилась на два лагеря: Пушкинъ и его кружокъ оцѣнивали по достоинству ихъ, другая же половина критиковъ не могла понять значеніе "Вечеровъ" и потому отнеслась къ нимъ нѣсколько высокоумно, отрицательно, какъ къ выраженію неблагороднаго, мужицкаго міросозерцанія - отзвукъ воззрѣній ХУІІІ в., когда къ народу подходили только издали: теоретически идея народности признавалась, но непосредственное знакомство съ народомъ было еще непривычно.

Дальнѣйшая дѣятельность Гоголя начинала проявляться уже въ нѣсколько иномъ направленіи; съ одной стороны онъ начинаетъ писать "Тараса Бульбу", съ другой - первый замыселъ будущаго "Ревизора" - "Владимиръ 3-й степени", о которомъ мы знаемъ лишь по письмамъ и по эпизодамъ, позднѣе переработаннымъ въ "Ревизорѣ". Цѣлью "Тараса Бульбы" было созданіе національной м.русской эпопеи ХУІ в. /на самомъ дѣлѣ ХУІІ в. такъ какъ осада Дубно была въ 1637 г./ . Въ немъ Гоголь продолжалъ то, что началъ въ "Вечерахъ", опять изучалъ историческіе матерьялы, лѣтописи, м.русскія пѣсни и думы, причемъ отдавалъ предпочтеніе послѣднимъ передъ лѣтописью, считая пѣсни правдивой поэтической исторіей того народнаго духа, который ему рисовался. Какимъ образомъ рядомъ съ этимъ создавался "Владимиръ 3-й степени", Гоголь старается объяснить самъ: онъ не былъ человекомъ уравнивающимъ, наоборотъ страдалъ частой

смѣной настроеній, иногда ипохондріей, и вотъ онъ говоритъ, что для борьбы съ послѣдней онъ старался выдумывать самыя смѣшныя вещи, которыя прогнали бы тоску его, и такимъ образомъ создались "Вечера"; а съ другой стороны онъ самъ признается въ письмахъ, что рѣшился собрать все скверное на Руси и изобразить это въ драмѣ. Фабулы "Владимира 3-й степени" мы не знаемъ, но этимъ произведеніемъ Гоголь вышелъ на дорогу сатирика. Впрочемъ это не значитъ, что у него произошелъ переломъ: это было дальнѣйшее развитіе его таланта. Онъ начинаетъ смотрѣть иными глазами на окружающее, но не оставляетъ своего юмора и интереса къ народности, такъ что хотя для людей мало его знающихъ Гоголь можетъ показаться совсѣмъ инымъ въ "Ревизорѣ" и въ "Вечерахъ", а на самомъ дѣлѣ внутренняя связь между этими произведеніями несомнѣнна.

ЛЕКЦІЯ III-Я.

"Ревизоръ", который появился въ 1836 г., произвелъ на читающую публику большое впечатлѣніе: никакъ не ожидали отъ автора "Вечеровъ" такой сильной отрицательной сатиры, изображавшей современныя составы русскаго общества въ столь безотрадныя краски; многіе даже думали, что съ авторомъ случилось что-то неладное. Во всякомъ случаѣ общество /большая часть, по крайней мѣрѣ/ отнеслось къ автору рѣзко; задѣтое этой безпросвѣтной сатирой, комедіей безъ положительнаго элемента, оно считало себя оскорбленнымъ, бюрократія также

сочла себя оклеветанной, и даже находились такіе, которые сомнѣвались въ благонадежности автора.

На все это Гоголь реагировалъ очень нервно, а послѣ взрыва негодованія по поводу представленія "Ревизора" даже полагалъ, что его задача не удалась, что онъ слишкомъ сгустилъ краски, такъ что въ негодованіи общества есть, пожалуй, доля правды. Результатомъ такихъ душевныхъ волненій Гоголя была его первая продолжительная поѣздка за границу. И вотъ, судя по внѣшнимъ этимъ фактамъ, историки литературы думали, что въ душѣ Гоголя ко времени созданія "Ревизора" произошелъ переломъ, что у него упала вѣра въ хорошія стороны русской жизни и началось пессимистическое отношеніе къ окружающей дѣйствительности. Но, присматриваясь внимательнѣе къ сложному психическому міру Гоголя, мы имѣемъ право думать, что никакого перелома не было. Съ одной стороны Гоголь въ письмахъ жалуется на обвиненія его въ неблагодарности и упреки, справедливость которыхъ онъ, однако, до известной степени признаетъ, съ другой онъ же пишетъ Погдину, что послѣ "Ревизора" онъ ѣдетъ за границу обдумывать и отдѣлывать свое новое произведеніе, т.е. "Мертвыя души". Ясно, что отчаяніе Гоголя не можетъ быть понято буквально, и если на него представленіе "Ревизора" произвело потрясающее впечатлѣніе, то онъ увидѣлъ и ту силу, которой обладаетъ, а пессимистическая жилка, которую хотѣли видѣть въ немъ, на самомъ дѣлѣ отсутствовала, такъ какъ беспощадная сатира на общество подсказыва-

лась болью и страданіемъ челоѣка, горячо любящаго это общество; сатира вытекала изъ сильной, непосредственной любви Гоголя къ людямъ, исправленія которыхъ онъ горячо желалъ. И создавая первую часть "Мертвыхъ душъ", Гоголь прежде всего остался на той же почвѣ отрицательнаго отношенія къ ненормальностямъ и уродствамъ русской жизни и не перешелъ къ изображенію положительныхъ сторонъ ея и идеаловъ, считая болѣе важнымъ указать недостатки общества прежде, чѣмъ исправлять его.

Если мы постараемся уяснить себѣ, какимъ образомъ Гоголь могъ перейти отъ изображенія одного своего настроенія къ изображенію другого, тутъ встрѣчаются именно затрудненія понять его многогранную натуру, позднѣе прямо патологическую. Опредѣляя личное отношеніе Гоголя къ явленіямъ общественной жизни, нельзя не замѣтить присущія ему черты наблюдательности и критики этихъ явленій; но эта критика и наблюдательность въ равной степени обращалась у него на самого себя, такъ какъ только при самоанализѣ челоѣкъ можетъ опредѣлить свое отношеніе къ окружающимъ. Въ письмахъ Гоголя, начиная съ 1833 г., замѣчаются начала самоанализа и самокритики, большей частью скептическаго характера. Чаше и чаще возникаетъ у него мысль, правильно ли онъ поступаетъ, продолжая дѣйствовать въ томъ направленіи, въ какомъ началъ, правильно ли онъ обратился къ сатирѣ, насколько цѣлесообразно это, т. е. рядомъ съ художественной и общественной стороною его дѣя-

тельности выдвигается и этическая. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще возникаютъ у Гоголя этическіе вопросы, которые ищутъ себѣ разрѣшеніе въ религіи. Вполнѣ ярко все это выражается во второй половинѣ дѣятельности Гоголя, начала же мы видимъ еще въ первой половинѣ, и даже еще раньше, въ гимназическомъ періодѣ, мы видимъ нѣкоторыя черты, какъ увлеченіе религіозной идеей; взглядъ на религію, какъ на нѣчто положительное, не подвергающееся критикѣ сквозить гораздо раньше второй половины дѣятельности Гоголя, и такимъ образомъ надо думать, что произошелъ не переломъ, а просто тѣ мысли, которыя давно интересовали Гоголя, только съ "Ревизора" начинаютъ получать болѣе отчетливую форму выраженія. Въ это время потерпѣли неудачу всѣ мечты о плодотворной государственной службѣ, попытка помогать обществу научнымъ путемъ, путемъ профессорской и педагогической дѣятельности тоже не удалась, равно какъ и служеніе обществу, посредствомъ искусства сценическаго. Для Гоголя осталась лишь одна литературная дѣятельность, которую онъ прежде не считалъ своимъ призваніемъ и, какъ писатель, онъ долженъ былъ, служа обществу, указать тотъ путь къ нравственному подъему, который рисовался ему, указать его или установить положительный идеалъ, къ которому надо стремиться, или подчеркнуть тѣ несовершенства, которыхъ надо избѣгать. Самонализъ и критика направили творчество Гоголя на послѣдній способъ служенія обществу, на путь сатиры, и "Ревизоръ" несомнѣнно находится въ связи съ дальнѣйшимъ этическимъ направ-

леніемъ дѣятельности автора его.

Временное сомнѣніе въ правильности избраннаго пути смѣняется опредѣленіемъ окончательнаго плана дѣятельности — болѣе умѣренной сатиры, — который Гоголь намѣтилъ себѣ. Слѣдовательно, органическое развитіе творчества Гоголя состояло въ перемѣщеніи отдѣльныхъ элементовъ нравственной личности Гоголя на мѣсто другихъ: сначала художественный элементъ становится наравнѣ съ этическимъ /время "Ревизора"/, тогда какъ прежде первый преобладалъ /время созданія "Вечеровъ"/, потомъ преобладаетъ уже этический /вторая половина литературной дѣятельности/. И въ основѣ этого морализма лежитъ опять-таки стремленіе познать себя во имя любви къ человечеству и желанія направить его на истинный путь. Въ годахъ 1839, 1840, 1841-42, на которые падаетъ наиболѣе продуктивный періодъ творчества Гоголя, замѣтно постепенное развитіе этического элемента, набрасывая же вторую часть "Мертвыхъ душъ", Гоголь совершаетъ дальнѣйшій шагъ въ своемъ нравственномъ настроеніи, окончательнымъ завершеніемъ котораго является созданіе "Избранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями".

Первая часть "Мертвыхъ Душъ" соотвѣтствуетъ по характеру типовъ "Ревизору": рядъ типовъ отрицательнаго характера, созданныхъ русской провинціальной жизнью, какъ разъ подобенъ той средѣ, въ которой могъ появиться Хлестаковъ. Но во второй части моральное настроеніе писателя двинулось дальше: нельзя только указывать недостатки человѣку, надо дать ему

какіе нібудзь положительныя ідеалы. Безотрадная картина, нарисованная імъ въ первой части, пугаетъ самого автора. Горячая любовь Гоголя къ Россіи не мирится съ тѣмъ отрицательнымъ отношеніемъ къ русской дѣйствительности, которое у него замѣчалось, и ему не хочется вѣрить въ отсутствіе положительныхъ чертъ въ ней, тѣмъ болѣе, что такая вѣра, по его мнѣнію, не можетъ быть гуманной и нравственной, не можетъ выражать любви къ ближнему. Этимъ и объясняется сознательное рѣшеніе дать во второй части поэмы рядъ положительныхъ типовъ. Но Гоголь не сознавалъ, что человѣкъ самоанализа и критики, реалистъ по направленію, онъ имѣлъ больше матеріала и способности именно къ созданію отрицательныхъ характеровъ и картинъ, какъ вполнѣ реальныхъ и соотвѣтствующихъ дѣйствительности, и поэтому вторая часть "Мертвыхъ Душъ" въ сравненіи съ первой поражаетъ насъ своей искусственностью, болѣзненностью творчества. Если въ первой части Гоголь страдаетъ отъ избытка матеріала, во второй ощущается прямо его недостатокъ. Онъ пробовалъ найти выходъ въ современныхъ теченіяхъ русской жизни, созидавая образъ Тентетникова, но, рѣшивъ заранѣе окончить поэму возрожденіемъ его, онъ этотъ образъ-предшественникъ "лишнихъ людей" сдѣлалъ совсѣмъ инымъ. Такимъ образомъ Гоголь, идя въ первой части согласно съ своимъ міросозерцаніемъ, во второй путемъ невѣрнаго самоанализа, насилія надъ самимъ собой, направилъ свое творчество въ ту сторону, которой у него нехватало, и съ тѣхъ поръ, когда, отказавшись

отъ прежняго направленія, Гоголь сталъ страдать муками творчества, можно считать его дѣятельность законченной.

"Выбраннныя мѣста изъ переписки съ друзьями" нагляднѣе всего показываютъ ту ошибку, которую сдѣлалъ Гоголь, сочтя себя въ правѣ создать то, къ чему онъ былъ неспособенъ. Гоголь былъ близокъ къ московскимъ консервативнымъ кругамъ, особенно съ Аксаковымъ, Погодинымъ, Шевыревымъ, которые цѣнили Гоголя, какъ проповѣдника положительныхъ идеаловъ, восторгаясь его патриотизмомъ, его описаніями русской природы, и видѣли въ этомъ его значеніе. Но когда Гоголь создалъ "Выбраннныя мѣста" всѣ они растерялись, такъ какъ не подозревали, что, хваля у Гоголя уклоненіе его отъ того пути, по которому онъ было пошелъ, тѣмъ самымъ поощряли въ немъ перевѣсъ односторонняго моралиста надъ художникомъ. "Выбраннныя мѣста" и особенно "Авторская исповѣдь" показали, что Гоголь счелъ себя учителемъ жизни, челоѣкомъ, которому дано свыше право и на котораго свыше наложены обязанности, долженствовавшимъ направить челоѣка по истинному пути черезъ религіозное самосознаніе, и этого-то не ожидали отъ него московскіе консерваторы. Люди же, понимавшіе истинное значеніе писателя, подумали, что онъ сдѣлался ненормаленъ.

Сложная психическая драма Гоголя, т.е. борьба между направлениемъ, подсказываемымъ ему творчествомъ, и тѣми теоретическими убѣжденіями, которыя старался привить себѣ Гоголь, которыя были отчасти результатомъ его воспитанія, опредѣлила

отношеніе его къ тѣмъ общественнымъ теченіямъ, которыя имѣли мѣсто въ русской жизни 30-40-хъ г.г. Гоголь оставался до извѣстной степени одинокимъ и отчасти непонятымъ: литература наша вышла въ то время на путь реализма, поставленная на него перомъ Пушкина, и продуктивная дѣятельность Гоголя должна была бы опредѣлить вступленіе его въ ряды реалистовъ, изображавшихъ русскую дѣйствительность /что онъ и дѣлалъ въ первую половину своей дѣятельности/, но все-таки Гоголь сдѣлался моралистомъ. Нельзя сказать, чтобы этическіе вопросы были чужды вообще русской литературѣ, иначе она не имѣла бы значенія, но постановка вопроса Гоголемъ шла въ разрѣзъ съ литературными теченіями. Публика ждала отъ писателя поученія, но не проповѣди во имя идей господствующей церкви, во имя оправданія окружающей дѣйствительности, реакціонной и уродливой; не только прогрессивная часть общества, но и консервативная такъ далеко не шла, чтобы искать оправданіе всему тому, что совершалось въ русской дѣйствительности, включая и крѣпостное право. Этимъ и объясняется неудача Гоголя, а міросозерцаніе второй половины его дѣятельности, несомнѣнно, вело его къ тому.

Итакъ, по самому своему направленію, идущему въ разрѣзъ съ прежнимъ, Гоголь не могъ примкнуть ни къ одному изъ господствовавшихъ теченій. Гоголь не могъ присоединиться ни къ западникамъ, ни къ славянофиламъ потому, что не имѣлъ въ міросозерцаніи тѣхъ философскихъ основъ, которыя составляли

сущность этих течений. Его можно сравнить с Жуковским, который не понимал философию Шеллинга; для него философия замѣнялась вѣрой; для Гоголя Евангеліе, въ толкованіи современной православной церкви, также было основой, откуда онъ черпалъ свои взгляды. Онъ, такимъ образомъ, былъ отсталымъ отъ общественныхъ теченій, что объясняется, какъ мы видимъ, недостатками воспитанія, окружавшей его отсталой средой, изъ которой онъ зато получилъ идеи народности и реализма.

Обратимся къ болѣе подробному разсмотрѣнію основныхъ теченій нашей жизни и литературы 40-50-хъ годовъ: западничеству и славянофильству. Заглядывая въ генезисъ этихъ теченій, мы увидимъ, что начало этихъ теченій въ обществѣ относится къ 30-мъ годамъ XIX в., такъ что сначала оба эти теченія жили и развивались независимо отъ направленія литературы, представителями котораго были Пушкинъ и Гоголь /въ 1-ю половину дѣятельности/. Начало западничества, собственно, можно видѣть еще въ XVIII в., когда реформы Петра I-го поставили насъ въ болѣе тѣсную связь съ западомъ, и въ сближеніи этомъ уже опредѣлились элементы, которые замѣчаются и въ XIX в. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ, что въ началѣ XIX в. у насъ рядомъ съ реализмомъ возникаютъ различныя полуфилософскія теченія, стремящіяся опредѣлить, что такое народность, каковы ея положительныя стороны и т.п.

Въ этомъ направленіи работала и официальная мысль въ узкx патриотическомъ духѣ, и общественная, понимавшая идею па -

тріотизма не въ отдѣленіи себя отъ запада, но наоборотъ въ цѣляхъ присоединенія Россіи къ общей европейской культурѣ. Послѣ событій 1813-14 г. эти идеи расширяются еще болѣе, и стремленіе передовыхъ людей выйти изъ того угла, въ который насъ завела наша косность, разрѣшается событіемъ 14 декабря 1825 г. 14-е декабря вырвало изъ русскаго общества наиболѣе просвѣщенную часть его, выдвинувъ наоборотъ узко патріотическую точку зрѣнія Шихова и его приверженцевъ, и положило начало реакціи, тянувшейся почти до Крымской кампаніи.

Но, конечно, декабристами не изчерпывалась вся общественная прогрессивная группа, и попытки подойти къ опредѣленію истинной народности и ея задачъ не прекращаются; начиная съ 20-хъ годовъ, у насъ появляется рядъ дѣятелей, посвящающихъ себя этой задачѣ. Однимъ изъ такихъ дѣятелей былъ Чаадаевъ. Начавъ съ опредѣленія, что такое русская народность, какія задачи въ ея развитіи, какую цѣнность представляетъ ея содержаніе съ общечеловѣческой, культурной стороны, Чаадаевъ пришелъ къ отрицательному выводу: русская народность, по его мнѣнію, не имѣетъ въ себѣ зачатковъ для будущаго плодотворнаго развитія. Такой выводъ имѣлъ для Чаадаева роковое значеніе; онъ долженъ былъ удалиться отъ участія въ русской общественной жизни, но попытка его не прошла даромъ, и рядомъ съ нимъ возникаетъ направленіе, старавшееся развить его мысль далѣе, представителями котораго были Сдоевскій, Веневитиновъ и др. члены "общества Любомудровъ", и также направленіе, стре-

мившееся примирить передовая идеи съ тѣми условіями дѣйст-
вительности, которая существовали /Надеждинь/.

Основой этого направленія являлась философская система Шеллинга, широко затрагивавшая вопросъ о народности. Философія Шеллинга хочеть обнять все мірозданіе, указать цѣли ему: всѣ неурюстройства челоуѣческаго общества зависятъ по Шеллингу отъ нарушенія закона идеи единства всего міра. А съ другой стороны система Шеллинга пытаетса указать средства для возстансвленія этого единства, и въ этомъ отношеніи она носить натур-философскій характеръ, такъ какъ въ единеніи съ природой можно возстановить утраченное единство.

Такимъ образомъ философія Шеллинга представляла очень стройную схему, доступную и дававшую кажушееся разрѣшеніе вопросамъ, назрѣвавшимъ въ русской жизни. Люди, неудовлетворенные современнымъ положеніемъ вещей, могли искать въ этой философіи успокоеніе въ пониманіи жизненнаго настроенія, люди съ общественнымъ настроеніемъ, считавшіе своей обязанностью принести труды свои на пользу общества, могли найти у Шеллинга способы и указанія для своей дѣятельности Вотъ потому шеллингянство явилось проводникомъ новыхъ теченій, раздѣливъ общество на два лагеря: одна часть хотѣла исцѣленія отъ всѣхъ недостатковъ, признавая средства, предлагаемая философіей, подходящими, другая требовала признанія больныхъ сторонъ жизни здоровыми и не хотѣла никакого исцѣленія ибо не видѣла болѣзни.

Однимъ изъ первыхъ ^Нмеллигiанцевъ у насъ былъ Веневитиновъ, начавшій свою дѣятельность еще при Пушкинѣ. Воспитанный по-европейски на изученіи классическаго міра съ романтической точки зрѣнія, Веневитиновъ явился провозвѣстникомъ новыхъ вѣяній, и его дѣятельность вызвала рядъ симпатій. Пушкинъ призналъ его главнымъ дѣнителемъ художественной литературы, люди критическаго склада ума находили уясненіе русской литературѣ въ томъ дидактическомъ значеніи, которое онъ проводилъ, но его дѣятельность прервалась въ очень юномъ возрастѣ. Все литературное наслѣдіе Веневитинова исчерпывается нѣсколькими критическими и общественными статьями, нѣсколькими стихотвореніями, въ которыхъ онъ проводилъ свои идеи. Критическія статьи его устанавливають понятіе художественности съ общечеловѣческой точки зрѣнія, которая опредѣляетъ значеніе произведенія. Въ своихъ статьяхъ о просвѣщеніи онъ указываетъ на воспитательно-этическую его сторону, ведущую человѣка къ познанію не только самого себя, но и природы. Небольшія, но изящныя по формѣ стихотворенія Веневитинова заключаютъ въ себѣ философскіе мысли и указываютъ, что поэзія должна служить проводникомъ философскихъ идей.

Продолжателемъ дѣятельности Веневитинова былъ кружокъ Одоевского "общество Любомудровъ", которое не такъ долго существовало, но сильно распространило тѣ идеи, какія оно исповѣдывало. И съ дѣятельности Одоевского у насъ начина-

ется широкое распространение философских идей и попытки приложить их к самоопределению, и эти попытки к 40-мъ годамъ вполне определяют деление русского общества на тѣ два лагеря, о которыхъ мы начали говорить.

ЛЕКЦІЯ ІУ-АЯ.

Философія Шеллинга, лежавшая въ основѣ идей, распространяемыхъ кружкомъ Одоевскаго, была прежде всего тѣсно связана съ романтическими теченіями конца ХУІІІ и начала ХІХ в. Романтизмъ, какъ направленіе боевое, окончилъ свое существованіе и переходилъ въ стадію созиданія, къ выработкѣ основъ новаго міросозерцанія, и шеллингизмъ претендовалъ, какъ мы видѣли, на руководящую роль въ этомъ отношеніи. У насъ первые проблески шеллингизма можно отмѣтить еще въ первомъ десятилѣтіи ХІХ в., когда профессора Петербургскаго Университета пробовали проводить шеллингианскія идеи на естественно-научныхъ основаніяхъ; это были Галичъ, философъ по специальности, впоследствии воспитатель и учитель Пушкина въ Александровскомъ лицей, и Велланскій, медикъ. Последний, собственно, пробовалъ дать изложеніе господствующихъ философскихъ идей, въ частности и системы Шеллинга, при чемъ онъ встрѣтился съ большими затрудненіями въ неподготовленности самаго языка къ воспріятію философскихъ положеній, такъ что ему пришлось работать, создавая русскую философскую терминологию.

Эпоха Магницкаго, Рунича и подобныхъ прекратила занятія профессоровъ философіей, но чувствовалась потребность въ философской системѣ, и шеллингизмъ, шедшій на помощь этой потребности не могъ заглухнуть, но наоборотъ въ 20-хъ годахъ мы видимъ возрожденіе его въ Москвѣ, въ кружкѣ людей, группировавшихся около Архива Минист. Иностр. Дѣлъ. Въ этомъ "Архивѣ" случились состоятельные молодые люди, большей частью аристократическаго происхожденія, такъ какъ служба въ немъ была не сложна и оставляла много свободнаго времени, которое они и посвящали занятіямъ философіей Шеллинга. Во главѣ этого кружка стоялъ Веневитиновъ, а послѣ его смерти кн. Одоевскій; самый кружокъ назывался "обществомъ Любомудровъ".

Занимаясь философіей "любомудры" натолкнулись сразу на вопросъ, достаточно ли русское общество подготовлено для воспріятія философскихъ идей, и тутъ мнѣнія раздѣлились: Одоевскій и нѣкоторые другіе доказывали, что идеи философіи Шеллинга настолько общечеловѣчны, что общество способно къ воспріятію идей и настаивали на немедленномъ ихъ проведеніи въ чистомъ видѣ. Бестужевъ и его сторонники не соглашались съ этимъ мнѣніемъ, утверждая, что нужно сначала подготовить общество, а затѣмъ уже популяризовать эти идеи. Результатомъ этого разногласія было возникновеніе двухъ органовъ печати: "Полярной Звѣзды", гдѣ проводились взгляды Бестужева, и "Мнемозина", предлагавшей непосредственно идеи Шеллинга. На сторонѣ Одоевскаго сталъ бывшій еще въ живыхъ Веневитиновъ,

но практика жизни показала, что правъ былъ Бестужевъ: "Мне-
мосина" не шла, тогда какъ "Полярная Звѣзда" имѣла громадный
успѣхъ. Впрочемъ кружокъ Одоевскаго скоро прекратилъ свою
дѣятельность. Еще до 1825 г. въ обществѣ ходили глухіе слу-
хи о существованіи какихъ-то тайныхъ организацій, о какихъ-
то предпріятіяхъ правительства, противъ дѣятельности ихъ.
"Любомудры" чутко относились къ подобнымъ слухамъ, и Одоев-
скій, понимая характеръ реакціи, оберегая дорогія идеи отъ
посягательства на нихъ, боясь за ихъ цѣлость, рѣшилъ, не
дожидаясь, пока какая нибудь случайность дастъ поводъ прави-
тельству къ репрессіямъ противъ кружка, распустить его. Онъ
въ самомъ дѣлѣ не обманулся: послѣ 14 декабря вспомнили о
кружкѣ "любомудровъ", какъ тоже о подпольномъ теченіи, рас-
шатывавшемъ основу государства, но, конечно, ничего не
могли сдѣлать, такъ какъ кружка уже не было.

Но несмотря на ликвидацію кружка, фактически дѣятель-
ность его продолжалась, такъ какъ отдѣльные члены его на
свой страхъ занимались дальнѣйшей разработкой философскихъ
идей. Самъ Одоевскій всю свою жизнь /онъ умеръ въ 1869 г./
остался приверженцемъ шеллингизма, который онъ воспринималъ
самъ въ извѣстной формѣ. Одоевскій признавалъ прежде всего
необходимость создать новое міросозерцаніе для русскаго
общества, что впрочемъ было ясно для всякаго объективнаго
человѣка послѣ событій 1812 и слѣд. годовъ; сама русская
дѣйствительность давала вдумчивымъ людямъ толчекъ къ поис-

камъ новаго міросозерцанія. И для Одоевскаго система Шеллинга представлялась единственно возможной для того, чтобы лечь въ основу идейнаго склада будущаго общества. Онъ видѣлъ главный недостатокъ жизни въ отсутствіи единства идеи, ее проникающей, въ разграниченіи сферы умственной дѣятельности отъ практическаго ея примѣненія, понимая единство въ томъ, чтобы наши мысли и дѣйствія не расходились другъ съ другомъ, т.е. чтобы человекъ не страдалъ отъ разлада между идеальными стремленіями души и практической реальной жизнью. Самъ Шеллингъ понималъ нѣсколько иначе "единство" въ смыслѣ единенія духа и матеріи, т.е. какъ метафизикъ, онъ ставилъ вопросъ шире и говорилъ, что вслѣдствіе историческихъ условій въ сознаніи человечества выработался постепенный разладъ между духомъ и матеріей, а въ основѣ между ними не должно быть, не можетъ быть и нѣтъ никакой разницы. Источникомъ всего сущаго, котораго христіанское ученіе называетъ Богомъ, Творцомъ міра, является высшій духъ, абсолютъ, къ познанію котораго Шеллингъ и стремится. Абсолютъ въ его философіи есть та высшая инстанція, въ которой объединяется и духъ и матерія, которые, какъ различные проявленія одного и того же абсолюта, въ основѣ своей тождественны и являются противоположными лишь для насъ, утратившихъ сознаніе единства ихъ.

Одоевскій не могъ проповѣдывать въ такомъ видѣ идеи Шеллинга, онъ понялъ ихъ въ смыслѣ болѣе практическомъ - разлада мысли и дѣйствительности - и обратился къ практическому

осуществленію идеи единства, какъ онъ ее понималъ. Человѣчество, утративъ единство, должно вновь его возвратити, а возврата этого можно достигнъ разными путями, однимъ изъ нихъ является выработка постепенная такого міросозерпанія, всѣ элементы котораго была бы направлены къ возстановленію единства, и вотъ почему Одоевскій придаетъ огромно^е значеніе воспитанію. Дѣтскій возрастъ, не утратившій еще единства сознанія съ дѣйствительностью, является очень важнымъ, такъ какъ если при воспитаніи ребенка обращать вниманіе на поддержаніе этого единства, то человѣкъ выйдетъ съ нимъ и въ жизнь, и противоположность между духомъ и матеріальной дѣятельностью человѣка будетъ ослаблена, если не уничтожена. Вся дѣятельность человѣка зрѣлаго тоже должна быть направлена на сохраненіе единства, и съ этой точки зрѣнія, поскольку та или иная дѣятельность приближаетъ насъ къ нему, Одоевскій обсуждаетъ всѣ роды ея и старается опредѣлить цѣнность всякой дѣятельности. Въ стремленіи къ абсолюту объединяются и наука, и искусство съ его различными видами, и высшая цѣнность въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Одоевского принадлежитъ музыкѣ. Музыка воспроизводитъ настроеніе человѣка при помощи звуковъ, познавать же абсолютъ можно только при извѣстномъ настроеніи души и вотъ музыка и является однимъ изъ главныхъ средствъ для созданія подобнаго настроенія. Самъ Одоевскій былъ страстнымъ музыкантомъ, былъ однимъ изъ главныхъ учредителей "Русскаго Музыкальнаго Общества" и основателей Московской

Консерваторіи въ 1866 г.

Слѣдующимъ средствомъ приближенія къ абсолюту и пріобрѣтенія единства Одоевскій считаетъ художественную литературу, задача которой въ томъ и состоитъ. Художественная литература имѣетъ огромное воспитательное значеніе, такъ какъ изучая и читая художественныя произведенія, человѣкъ проникается тѣмъ высокимъ воззрѣніемъ, которое приближаетъ его къ идеалу и которое создается талантомъ автора. Талантъ - это особое свойство проникновенности, прозорливости, которое доступно очень немногимъ - поэтамъ и пророкамъ, но при помощи таланта художникъ познаетъ то, что мы, лишенные таланта постичь не можемъ. Поэтъ рисуется Одоевскому по свойствамъ и силамъ своей души близкимъ къ древнимъ пророкамъ, и то, что поэтъ подобно пророку прозираетъ своимъ талантомъ, онъ выражаетъ въ своихъ произведеніяхъ.

Такой взглядъ на поэта чрезвычайно характеренъ для Одоевского и его времени: всѣ наши поэты, подходя къ опредѣленію поэта и поэзіи, сходились такъ или иначе во взглядахъ своихъ съ Одоевскимъ. Пушкинъ, нѣсколько разъ приступавшій къ опредѣленію поэта, характеризуетъ его то, какъ эхо, отражающее все, что наблюдается въ жизни, въ своихъ произведеніяхъ, то какъ пророка, который долженъ "глаголомъ яечь сердца людей", т.е. поучать ихъ. Лермонтовъ тоже смотритъ на поэта, какъ на пророка, обладающаго "всеобщимъ" и провозглашающаго "любви и правды чистое ученье". Такимъ обра-

зомъ, въ своихъ взглядахъ на поэта Одоевскій формулировалъ при помощи философіи Шеллинга то, что въ отзвукахъ романтизма было разлито въ русской литературѣ, и привелъ въ связь рядъ обшихъ вопросовъ по психологіи творчества, интересовавшихъ и поэтовъ и общество. Поэзія представляется Одоевскому, какъ служеніе искусству, ведущему къ познанію абсолюта, и поэтъ - служитель духа - долженъ занимать въ обществѣ высокое положеніе. Все-таки, Одоевскій ставитъ поэзію послѣ музыки, которая есть болѣе совершенный родъ искусства, такъ какъ поэзія пользуется для своихъ цѣлей столь несовершеннымъ орудіемъ, какъ человѣческое слово, музыка же непосредственно дѣйствуетъ на душу.

Всѣ остальные искусства ведутъ къ той же цѣли познанія абсолюта, равно какъ и наука, которая постольку имѣетъ значеніе, поскольку она приближаетъ къ тому человѣка. И въ градациі наукъ по степени ихъ значенія въ этомъ отношеніи Одоевскій ниже другихъ помѣщаетъ науки естественныя, которыя для него хотя безусловно пріемлема, такъ какъ черезъ познаніе природы ведутъ къ познанію абсолюта, но только средства ихъ настолько грубы, сравнительно съ идеальнымъ міромъ человѣческаго духа, что имъ отводится мѣсто ниже другихъ. Правда, познавая природу, мы познаемъ и абсолютъ, но изучать природу надо не съ той точки зрѣнія, на которой стоятъ естественныя науки: человѣкъ долженъ наблюдать природу при помощи своего духа, стараясь постигнуть истинный смыслъ вещей.

Одоевскій въ своихъ произведеніяхъ перебралъ такимъ образомъ всѣ виды человѣческаго знанія и былъ настоящимъ энциклопедистомъ: въ его сочиненіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1844 г., нѣтъ той отрасли, которой бы онъ не касался, но на все онъ смотритъ съ опредѣленной точки зрѣнія. Свои идеи Одоевскій про- бовалъ осуществлять въ литературѣ, причемъ, понимая литера- турную дѣятельность, какъ средство для этой цѣли, онъ всѣ свои художественныя эмоці провѣряетъ, такъ сказать, согласно конечной цѣли.

Въ 30-хъ годахъ XIX в., когда къ намъ дошелъ фантасти- ческій романтизмъ Гофмана, и произвелъ сильное впечатлѣніе, Одоевскій не остался чуждымъ этому теченію, но взялъ ту его сторону, которая подходила для него. Онъ признаетъ, что фан- тастика наиболѣе доступна дѣтскому возрасту, почему дѣти такъ и любятъ сказки, но это занятіе ума у дѣтей не должно проходить даромъ; она можетъ служить матеріаломъ для поуче- нія, если ея умѣло воспользоваться. И взявъ любой фантасти- ческій рассказъ, Одоевскій болѣе тонко излагаетъ его, при- способляясь къ пониманію маленькихъ читателей, какъ онъ его понималъ, и старается вывести изъ фантастическаго содера- нія поучительное положеніе. Фантастику, какъ самостоятельное проявленіе человѣческаго духа, онъ отрицаетъ, признавалъ же ее какъ средство для поученія, форму для изложенія истины. И разработанныя имъ "Сказки дѣдушки Иринея" "Пестрыя сказки" производятъ впечатлѣніе, что онъ при помощи фанта -

стическихъ разсказовъ, желаетъ дать нравственный урокъ, и это главная основная ихъ цѣль.

Вообще, можно сказать, Одоевскій не былъ поэтомъ, хотя поэзію и понималъ; поэзія для него имѣла служебное значеніе; значеніе же его въ русской общественной мысли заключается въ стремленіи привить русскому обществу идеи Шеллинга, которыя способствовали выработкѣ новаго міросозерцанія, потребность въ коемъ чувствовалась всюду. У того же Одоевского мы находимъ рядъ мыслей, интересныхъ для характеристики состоянія современной общественной мысли. Онъ много задавался вопросомъ о народности, о сущности національнаго различія, чему способствовала та же шеллингианская философія. Шеллингъ указывалъ, что абсолютъ можетъ проявляться не только въ отдѣльномъ чловкѣ, но и въ цѣломъ народѣ, чѣмъ и объясняется различіе національностей, такъ какъ въ каждомъ народѣ проявляется та или другая отдѣльная сторона абсолюта. Одоевскій старался опредѣлить такія индивидуальныя, особенныя черты русскаго народа и дать имъ соотвѣтственную оцѣнку. Онъ не довелъ своихъ разсужденій до конца, но указалъ, что русская народность имѣетъ право на отдѣльное существованіе, такъ какъ обладаетъ своеобразными чертами, которыхъ нѣтъ у другихъ народовъ; этими чертами Одоевскій считалъ патриотизмъ, беззавѣтное увлеченіе чистыми идеями, философскій складъ ума. Причинъ этому лежатъ въ свойствахъ русскаго народа, искони вложенныхъ въ него, и въ тѣхъ судьбахъ, которыя онъ испыталъ. Сравнивая русскую на-

родность съ европейскими, Одоевскій приходитъ къ выводу, который позднѣе проповѣдывали славянофилы; именно онъ полагаетъ что русская народность до сихъ поръ еще не сказала своего слова, но она еще достигнетъ тѣхъ цѣнностей, которыхъ не достигли з.европейскія. Последнія пережили свой культурный расцвѣтъ, русская народность только начинаетъ переживать его, и ей предстоитъ внести вѣчто новое въ общечеловѣческую сокровищницу, указать ту сторону абсолюта, которая еще не известна зап.европейскимъ народамъ. И у Одоевскаго мы находимъ уже тѣ формулы, которыя стали основой славянофильства; у него встрѣчаются такія выраженія, какъ "гнилой западъ", "гнилая Европа", "свѣтлая молодая Россія".

Такимъ образомъ во взглядахъ, проводимыхъ Одоевскимъ, мы видимъ уже положенія, развиваемыя потомъ и западниками, и славянофилами, что показываетъ тѣсную связь обоихъ лагерей съ философіей, служившей основой для Одоевскаго, съ шеллингизмомъ. Но послѣ Одоевскаго идея народности двинулась еще дальнѣе и тѣмъ способствовала разграниченію дальнѣйшему теорій западниковъ и славянофиловъ чловѣкъ, который самъ не былъ также ни тѣмъ, ни другимъ, именно Н.И.Надеждинъ.

ЛЕКЦІЯ У-АЯ.

Кромѣ Одоевскаго лицами, задававшимися тѣми же вопросами, которые интересовали все русское общество, были Чаадаевъ и Надеждинъ, и Чаадаевъ является старшимъ, нежели Одоевскій,

по своимъ воззрѣніямъ и литературной дѣятельности. Личность его имѣла значительное вліяніе на Пушкина въ лицейскій період его жизни. По своему происхожденію Чаадаевъ принадлежалъ къ московской аристократіи, которая отличалась отъ Петербургской своей большей независимостью, идеальными стремленіями, своею почвенностью и меньшимъ бюрократизмомъ, почему московскіе аристократы относились отрицательно къ Петербургу, такъ же считали ихъ приверженцами стараго уклада и потому отсталыми.

Чаадаевъ началъ свою карьеру, однако, въ Петербургѣ: послѣ домашняго воспитанія онъ сдѣлался блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, благодаря своимъ обширнымъ связямъ и хорошему состоянію. Среди обыкновенныхъ гвардейскихъ офицеровъ, проводившихъ въ лагеряхъ весело жизнь, Чаадаевъ представлялъ замѣтное исключеніе: онъ былъ сдержанъ, угрюмъ, задавался мыслями, чуждыми тогдашнимъ военнымъ. Сильное впечатлѣніе на Чаадаевѣ оставило пребываніе его за границей; благодаря этому у него возникъ рядъ вопросовъ, какъ результатъ наблюденія условій жизни, отличныхъ отъ русскихъ, и въ "Посланіяхъ къ Чаадаеву" Пушкина мы видимъ, что уже тогда /1817-18 г.г./ Чаадаевъ представлялъ опредѣленно сложившуюся фигуру. Стихотвореніе показываетъ намъ тѣ идеи, которыя интересовали Чаадаева и вмѣстѣ съ нимъ Пушкина и служили, вѣроятно, частымъ предметомъ ихъ бесѣдъ, такими вопросами и идеями были вопросы о дняхъ золотой свободы, о томъ, когда Россія свергнетъ иго чужеземной культуры, когда она станетъ свободной стра --

ной свободного народа и т.п. Чаадаевъ, слѣдовательно, задавался тѣми вопросами, которые становились краеугольнымъ камнемъ для освободительнаго движенія, вырвавшагося 14 декабря 1825 г. наружу, и имѣлъ важное значеніе для развитія Пушкина, сравнительно съ тѣмъ, которое оказывалъ на послѣдняго другой представитель передовой русской интеллигенціи Галичъ.

Галичъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ первыхъ шеллингистовъ въ Россіи, но пушкинскія "Посланія къ Галичу" даютъ ясныя указанія, что онъ ко времени ихъ созданія /1816-17 г.г. будучи воспитателемъ Царскосельскаго Лицея, пересталъ играть какую-либо активную роль въ развитіи воспитанниковъ: "Посланія" рисуютъ Галича необыкновенно добрымъ человѣкомъ, но склоннымъ къ излишеству, и во всякомъ случаѣ Пушкинъ сохранилъ съ нимъ ласковныя, но несерьезныя отношенія.

Такимъ образомъ Чаадаевъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей новыхъ вѣяній, и вслѣдствіе этого съ нимъ произошла рѣзкая и совсѣмъ непонятная для петербургской служилой аристократіи перемѣна. Блестящій образованный офицеръ, котораго ожидала видная карьера, такъ какъ его взялъ себѣ въ адъютанты Воронцовъ и черезъ это онъ могъ понасть въ флигель-адъютанты самого государя, вдругъ подаетъ рапортъ объ отставкѣ и уѣзжаетъ въ Москву, гдѣ онъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Оправившись отъ послѣдняго, Чаадаевъ совершенно порвалъ связи со служебной карьерой и остался свободнымъ москвичемъ, кумиромъ московскихъ салоновъ, какъ интересный и остроумный

собесѣдникъ , и аристократическихъ семействъ, какъ человѣкъ съ именемъ и деньгами. Впрочемъ онъ не оправдалъ ничьихъ расчетовъ, и результатомъ его мыслительной жизни были его "Философскія письма", появившіяся въ "Телескопѣ" Надеждина въ 1836 г. Въ этомъ произведеніи Чаадаевъ пробуетъ разрѣшить интересующія тогда общество проблемы о значеніи русской народности, о будущемъ Россіи и т.п., и къ удивленію тогдашнихъ патріотовъ, которые наравнѣ съ людьми совсѣмъ не реакціоннаго лагара признавали за Россіей великую будущность, онъ оказываея большимъ скептикомъ въ вопросѣ о будущемъ, даже прошломъ Россіи. Именно, въ прошломъ Россіи Чаадаевъ не видитъ никакого прогресса, ничего отраднаго, сомнѣвается въ основѣ русской народности - религіозномъ самосознаніи- и въ цѣнности и прогрессивности православнаго элемента, который по мнѣнію патріотовъ поднялъ Россію на такую высоту. Подобно всѣмъ ищущимъ натурамъ, онъ, не найдя удовлетворенія въ родныхъ условіяхъ, обращается къ западнымъ: въ католицизмѣ онъ думалъ найти отзвуки чистаго одинаго христіанства, затертаго у насъ византійскимъ вліяніемъ, и отдавалъ предпочтеніе католицизму **поэтому.** Точно также пессимистически, не смотря на то, что вѣрилъ въ это будущее, Чаадаевъ смотрѣлъ на русское будущее и подтвержденіе своимъ взглядамъ находилъ въ стараніи бюрократіи выставить показныя стороны Россіи.

Подобныя взгляды имѣли для Чаадаева важныя послѣдствія: сомнѣнія его вызвали бурю негодованія, и къ нему были прило-

жены суровыя репрессивныя мѣры, также и къ издателю его произведенія Надеждину. Журналь былъ прекращенъ, а самого Надеждина отправили въ ссылку, въ Вологду; Чаадаевъ отдѣлался дешерле: благодаря своимъ связямъ съ аристократическими кругами онъ не подвергнулся ссылкѣ въ Соловки, что его ожидало, былъ объявленъ сумасшедшимъ и отданъ былъ подъ попечительство въ качествѣ такового. Всякая литературная дѣятельность была ему запрещена, и вполсѣдствіи онъ перебрался за границу, пробылъ тамъ три года, вернулся въ Москву, гдѣ четыре года /26-30/ провелъ въ одиночествѣ, остальные годы /до 1856/ прожилъ въ Москвѣ, постоянно больной, нервно разстроенный.

Характерно въ Чаадаевѣ для его эпохи это искательство удовольшенія въ другой религіи. многіе русскіе люди кончали тѣмъ же, чѣмъ онъ, какъ на примѣръ, профессоръ Моск. Ун. Печоринъ, образованнѣе аристократы, вродѣ Раевскихъ: двѣ дочери генерала Раевского приняли католицизмъ и жили за границей; тѣмъ же кончила ке. Зинаида Волконская, которая склоняла въ 30-хъ годахъ къ католицизму и Гоголя, во время перваго его пребыванія за границей. Слѣдуетъ, однако, сказать, что въ настоящее время полная оцѣнка дѣятельности Чаадаева сдѣлана быть не можетъ, потому что еще мы не имѣемъ даже полнаго собранія сочиненій этого оригинальнаго чловѣка. Можно указать на біографію Чаадаева, сдѣланную Гершензономъ, которой можно воспользоваться для большаго ознаком-

ленія съ его личностью .

Болѣе обстоятельно мы можемъ познакомиться съ дѣятельностью Н.И.Надеждина, также находившагося внѣ зависимости внѣ кружка Одоевскаго. Надеждинъ вышелъ не изъ аристократической среды и лишь путемъ тяжелаго труда и благодаря страшной энергіи добился виднаго положенія профессора М.Ун-та. Самъ онъ учился въ университетѣ тогда, когда тамъ профессоръ геологіи и сельскаго хозяйства Павловъ читалъ лекціи по Шеллингу и подъ видомъ курса сельскаго хозяйства развивалъ въ аудиторіи шеллингианскія идеи. Надеждинъ по своему своеобразному самостоятельному складу ума не особенно подвергся вліянію шеллингизма, хотя, несомнѣнно, философія Шеллинга дала толчокъ къ его дальнѣйшей самостоятельной работѣ.

Первымъ выступленіемъ Надеждина на научномъ поприщѣ была его магистерская диссертация: "De poesi romantica", которая получила широкое распространеніе, тѣмъ болѣе что Надеждинъ до своего диспута печаталъ выдержки изъ нея въ журналахъ. Диссертация возбудила къ себѣ особенный интересъ общества потому, что въ ней рѣшался живой и интересный вопросъ о романтизмѣ: вліяніе романтизма, попытки культивировать его на русской почвѣ, романтическія идеи - все это существовало уже у насъ, и естественно возникалъ вопросъ объ отно-

шеніи романтическихъ идей къ русской дѣйствительности. Вопросъ этотъ рѣшался различно: съ одной стороны въ романтизмѣ видѣли проявленіе общечеловѣческаго, приложимаго всюду, съ другой стороны нѣкоторые считали романтизмъ типичнымъ произведеніемъ Западной Европы и думали, что его нельзя цѣликомъ принять на Руси, вслѣдствіе рѣзкой разницы между культурами; наконецъ были такіе, которые полагали, что романтизмъ не можетъ служить основой литературной дѣятельности, какъ теорія ложная, и что настоящія основы заключаются въ другомъ з.европейскомъ направленіи - ложно-классическомъ, или, правильнѣе, классическомъ. Представителемъ послѣдняго направленія былъ Мерзляковъ, который не могъ безъ раздраженія говорить о романтизмѣ, отрицалъ Жуковского, какъ поэта, за его романтизмъ. Впрочемъ Мерзляковъ не прочь былъ искать основъ не только въ ложно-классицизмѣ, но даже въ настоящемъ классицизмѣ, а также не былъ чуждъ народному направленію и самъ культивировалъ въ художественной формѣ народную пѣсню.

Такимъ образомъ романтизмъ далеко не всеміи воспринимался одинаково, и появленіе диссертациі, рѣшавшей интересовавшій многихъ вопросъ, обратило на себя вниманіе. Надеждинъ своеобразно понималъ романтизмъ и старался подойти къ нему съ исторической точки зрѣнія, какъ къ извѣстному теченію, которія въ исторіи человѣческаго развитія по неизвѣстнымъ законамъ смѣняють другъ друга. Древнѣйшей поэзіей является классическая, и Надеждинъ говоритъ, что древній міръ

создалъ огромную литературу, которая однако уже закончила свое развитіе, смѣнившись литературой и поэзіей христіанской. Христіанская литература смѣнившая языческую съ ея чувственными формами, выстѣпившая на первое мѣсто духъ, является основой всѣхъ литературъ христіанскихъ народовъ, но не исключаетъ тѣхъ временныхъ и мѣстныхъ осложненій, вслѣдствіе которыхъ та или иная литература принимаетъ извѣстную форму. Романтизмъ представлялся Надеждину проявленіемъ средневѣковой литературы, которая по его мнѣнію построена на компромиссѣ между христіанскимъ идеализмомъ и тѣмъ элементомъ, который внесли варварскіе народы, и которая окончательно свое развитіе совершила къ эпохѣ Возрожденія. Эпоха Возрожденія внесла въ сокровищницу обще-человѣческой литературы то вѣчное и наиболѣе цѣнное, что заключала въ себѣ античная поэзія и что не противорѣчило христіанству, и идеи Возрожденія особенно расцвѣли въ Германіи, стремившейся возродить средневѣковый романтизмъ. Надеждинъ задаетъ теперь вопросъ, насколько въ этомъ романтизмѣ есть задатки живучести, и приходитъ къ отрицательному отвѣту, почему и современный "неоромантизмъ" онъ считаетъ бесплодной попыткой воскресить мертвеца и считаетъ, что романтическія формы не могутъ быть приложены къ выработкѣ основъ современной литературы. Для него основой является литература христіанская, въ которой впервые возникли идеи, незнакомыя древнему міру - идеи національныя; литература должна вообще быть класси-

ческой по формѣ, христіанской по содержанію, національной по духу.

Отправляясь отъ этой диссертациі, Надеждинъ развиваетъ свои теоріи на страницахъ "Телескопа" и "Молвы", и въ этихъ -то статьяхъ и сказалось его соприкосновеніе съ основными теченіями русской общественной мысли 40-хъ годовъ. Въ нихъ онъ довольно полно развилъ свою теорію, которую, пожалуй, можно назвать націоналистической. Слѣдуетъ замѣтить однако -же, что препятствіемъ къ всесторонней оцѣнкѣ его дѣятельности служитъ опять таки отсутствіе специальныхъ изслѣдованій и полнаго собранія сочиненій. Въ качествѣ основного пособія, довольно обстоятельно излагающаго взгляды Надеждина, можно указать на 1-й томъ "Исторіи русской этнографіи" Пипина. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторые факты изъ жизни Надеждина, какъ ссылка его, пребываніе въ Одессѣ, еще не разъяснены и лишь разрабатываются въ "Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности" въ статьяхъ Козьмина за 1910г.

На основаніи имѣющагося матеріала можно сказать, что Надеждинъ подходитъ съ литературной точки зрѣнія къ опредѣленію русской народности, считая главнымъ вопросомъ установить, существуетъ ли русская литература или нѣтъ, т.е. выражается ли въ ней національное самосознаніе, потому что литература существуетъ вообще, въ его глазахъ, постольку, поскольку она народна. Разрѣшая этотъ вопросъ, онъ приходитъ къ заключенію, что русская литература толь-

ко еще "зачинается", и начинъ этотъ Надежинъ видитъ въ дѣятельности Пушкина, полагая, что только въ его поэзіи мы увидимъ русскую дѣйствительность. Онъ имѣетъ въ виду, конечно, такія произведенія Пушкина, какъ "Борисъ Годуновъ", "Русалка", "Капитанская дочка", "Исторія Пугачевского бунта", и относится довольно отрицательно къ произведеніямъ въ родѣ "Руслана и Людмилы", "Евгенія Онѣгина" и т.п., такъ какъ въ нихъ Пушкинъ не даетъ представленія о національныхъ свойствахъ русскаго человѣка и въ нихъ не проявляется русское самосознаніе съ достаточной яркостью. Такой уголъ зрѣнія Надежина подсказывается кругомъ идей его: для него литература должна выражать національное самосознаніе, но Надежинъ пытается обосновать болѣе или менѣе научно свой взглядъ, т.е. рѣшить исконный вопросъ, интересовавшій Чаадаева и Одоевскаго, что такое русская народность, какая судьба ее ожидаетъ. Для этого онъ пересматриваетъ исторію русской литературы съ древняго времени и на основаніи этого матерьяла старается представить исторію русской народности и выяснить основныя ея качества.

Въ исторіи этой онъ различаетъ нѣсколько періодовъ: древній до-христіанскій, который по малоизвѣстности онъ оставляетъ въ сторонѣ, періодъ съ принятія христіанства, который для него является наиболѣе важнымъ, потому что христіанство было тѣмъ двигателемъ, который пробудилъ русское національное самосознаніе, и до Петра Великаго это самосознаніе крѣп-

нетъ и выявляется, бессознательно правда, въ отдѣльныя историческія эпохи, какъ въ царствованіе Ивана III-го; также бессознательное чувство народности, которымъ руководствуется жизнь до Петра, является характернымъ для второго періода. Періодъ Петра Великаго и его реформы является неудачной попыткой національнаго самоопредѣленія, ошибкой въ послѣднемъ, вслѣдствіе которой является упадокъ національнаго самосознанія въ пользу усвоенія основъ зап.евр. культуры. И только съ начала XIX в. появляются правильныя сужденія о русской народности, и самъ Надеждинъ опредѣляетъ ее, какъ представление о тѣхъ основннхъ свойствахъ народа, которыя въ своей совокупности составляютъ характерное отличіе его отъ другихъ. Матерьяль для уясненія этихъ свойствъ Надеждинъ беретъ въ исторіи Россіи, такъ какъ они, дѣйствуя въ теченіе ряда вѣковъ, довели Россію до современнаго состоянія.

Общій ходъ русской исторіи показывается, что основнымъ факторомъ развитія русской народности было христіанство, которое у насъ сохранило религіозную основу свою въ наиболѣе чистомъ видѣ, благодаря принципу свободы и религіозной соборности. Византійскія формы христіанства, въ которыхъ оно пришло къ намъ, Надеждинъ считаетъ не имѣвшими существеннаго значенія; несмотря на уродливыя рамки, въ которыхъ отлилось у насъ сначала христіанство, чистота христіанства въ его православномъ типѣ продолжала существовать всегда на Руси и помогала выработкѣ національнаго самосознанія, отличая право-

славный народъ отъ другихъ. Такимъ образомъ религіозная исключительность въ видѣ недовѣрія къ Западу, инославному, кажется Надеждину не узкимъ пониманіемъ христіанства, но однимъ изъ бессознательныхъ проявленій русской народности, помогавшей выдѣлять себя отъ другихъ народовъ, почему онъ и приходитъ къ выводу, что русская народность немнслима безъ элемента православнаго.

Другимъ основнымъ принципомъ русской народности у Надеждина является единовластіе, самодержавіе. Онъ указываетъ, что причины единовластія лежатъ въ основѣ русскаго народно-патріархальнаго быта, и ходъ русской исторіи опять подтверждаетъ это: исторія Россіи представляется ему, какъ Карамзину, развитіемъ государственнаго самодержавія.

Наконецъ, выразителемъ національнаго сознанія служитъ литература, и Надеждину представлялось въ древней литературѣ то же бессознательное проявленіе народности, которое потомъ прервалось и въ современной литературѣ только зачинается, почему онъ склоненъ думать, что собственно литературы у насъ еще нѣтъ. Но онъ дѣлаетъ обходъ, говоря, что если до сихъ поръ у насъ литература была подражательной, то въ этой подражательности кроются зачатки самостоятельности. Подражательность можетъ быть продуктивной, что имѣется какъ разъ у насъ, когда весь воспринятый матерьялъ перерабатывается, и періодъ XVII-XVIII в.в., когда литература наша остается подражательной, все же способствовало постепенному усваиванью

матерьяла и выясненію своей народности, что совершается въ настоящее время. Такимъ образомъ православіе и самодержавіе являются въ суммѣ тѣми свойствами, которыя составляютъ русскую народность.

Формула Надеждина играла видную роль въ послѣдующее время, и въ 1836 г. православіе и самодержавіе были выставлены бюрократіей, какъ основы русской жизни. Намъ интересны въ теоріи Надеждина тѣ черты, которыя вошли потомъ въ теоріи славянофиловъ и западниковъ. Утвержденіе Надеждина, что прошлое Россіи есть лишь періодъ подготовительный, не имѣвшій особеннаго значенія, было воспринято и доведено до крайности западниками, совершенно отрицавшими русское прошлое. Оцѣнка же дѣятельности Петра Великаго, какъ ошибка, заключавшаяся въ томъ, что чужое мы дѣлаемъ своимъ, стала опорнымъ пунктомъ ученія славянофиловъ, какъ и формула опредѣленія народности, которая была широко использована также бюрократіей для реакціонныхъ теорій.

Что касается отношеній Надеждина къ философіи Шеллинга надо сказать, что онъ нигдѣ не указываетъ на свою связь съ этимъ писателемъ, но, хотя Надеждинъ не можетъ быть сопоставленъ съ шеллингистомъ, вродѣ Одоевскаго, связь его съ нѣмецкимъ философомъ несомнѣнна. Если Надеждинъ не исходитъ изъ положеній философіи Шеллинга, всѣ его разсужденія въ значительной степени базируются на ней. Шеллингъ стремился опредѣлить роль народа въ общей исторіи человѣческаго духа,

и его идеи вообще получили отраженіе въ русской литературѣ.

Такимъ образомъ Надеждинъ принадлежалъ къ тѣмъ же писателямъ, которые вырабатывали у насъ идеи народности, и наравнѣ съ нимъ можно поставить дѣятельность первыхъ славянофиловъ, Ивана и Петра Кирѣевскихъ, не слишкомъ уклонившихся сначала въ крайности этого теченія.

ЛЕКЦІЯ УІ-АЯ.

Для изученія зарожденія славянофильства и западничества очень важно познакомиться съ дѣятельностью бр. Кирѣевскихъ, потому что на нихъ можно прослѣдить, какимъ образомъ поиски новаго міросозерцанія вылились въ оба теченія русской мысли. Разница между дѣятельностью обоихъ братьевъ заключается въ томъ, что Иванъ Кирѣевскій старался теоретически разрѣшить интересовавшіе вопросы о народности, націонализмѣ, Петръ пытался практически осуществить положенія, разработанныя братомъ. Для ознакомленія съ ихъ дѣятельностью полезно будетъ сообщить нѣкоторыя біографическія подробности.

По происхожденію Кирѣевскіе принадлежали къ московскому дворянскому роду, къ семьѣ особенно выдающейся, въ которой бывали уже крупные литературные дѣятели: такъ напр., бр. Иванъ и Петръ были племянниками Жуковского. Семейная обстановка, несомнѣнно вела къ поддержанію старыхъ дворянскихъ традицій, т.к. въ семьѣ, въ которой образование играло вид-

ную роль, какъ жизненная задача, и литературные интересы составляли существенную часть умственной жизни, въ этой семьѣ коренилось и національное самосознаніе, выразившееся въ высокомъ патріотизмѣ, въ представленіи объ отдѣльных членахъ семьи, какъ о людяхъ, обязанныхъ служить родной землѣ, въ высокомъ положеніи религіозныхъ интересовъ, понимаемыхъ впрочемъ на старинный манеръ, съ убѣжденіемъ въ правотѣ православной вѣры, что внѣшнимъ образомъ выражалось въ соблюденіи всѣхъ обрядовъ. Такимъ образомъ въ семьѣ были уже сосредоточены исторически элементы, давшіе точку отправленія Кирѣвскимъ для новаго міросозерцанія, и объясняющіе намъ складъ мыслей будущихъ дѣятелей.

Послѣ домашняго образованія бр. Кирѣвскіе учатся у университетскихъ профессоровъ, сдаютъ унив. экзамены, служатъ въ Архивѣ иностранныхъ Дѣлъ /"архивскіе юнши"/ затѣмъ отправляются заграницу и живутъ въ Берлинѣ, Геттингенѣ, Гейдельбергѣ, которые въ то время /1829-30 г.г./ были центрами философскихъ ученій Шеллинга и его школы, хотя уже начиналась переходная эпоха къ гегелизму. Письма ихъ изъ заграницы къ роднымъ, какъ людей интеллигентныхъ, интересующихся всѣмъ, показываютъ, что братья усердно учатся и усваиваютъ философію. Но нельзя не замѣтить, что на заграничное образованіе они смотрятъ, какъ на средство формулировать положенія, традиціонно укрѣпившіяся въ семьѣ, и философія Шеллинга служитъ для научнаго оправданія ихъ

ВЗГЛЯДОВЪ

По возвращеніи изъ заграницы Кирѣевскіе начали свою литературную дѣятельность: Иванъ выступилъ, какъ публицистъ, и по его публицистической дѣятельности можно прослѣдить постепенное развитіе славянофильскихъ воззрѣній. И. Кирѣевскій начинаетъ издавать журналъ, носящій характерное названіе "Европеецъ", которое какъ бы показываешь его отдаленность отъ тѣхъ взглядовъ, что онъ исподѣдывалъ позже. Въ "Европейцѣ" разрабатывались вопросы о національности, народности въ литературѣ, о историческомъ значеніи русскаго народа, о значеніи его въ міровой исторіи. Литературно-художественная часть журнала не представляла ничего особеннаго, хотя въ немъ принимали участіе видные представители художественной литературы: здѣсь была помѣщена, между прочимъ, "Война мышей и лягушекъ" Жуковскаго. Скоро, однако, журналъ прекратилъ свое существованіе, и на Кирѣевскаго посыпались кары за слишкомъ смѣлныя искреннія сужденія, въ которыхъ бюрократія признала элементы колебанія основъ. Бюрократія тогда вообще боялась всякихъ разсужденій, и журналъ, въ которомъ не было рѣшительно никакихъ протестовъ, противъ существующаго строя, былъ прекращенъ на третьемъ номерѣ, изъ котораго половина была вырѣзана цензурой. Впрочемъ все, что не могло появиться въ "Европейцѣ", было помѣщено позднѣе славянофиломъ Кошелевымъ въ "Русской бесѣдѣ".

Въ своихъ произведеніяхъ И. Кирѣевскій, обращаясь къ общимъ вопросамъ о прогрессѣ, старается опредѣлить общія основы прогресса и приложить свои опредѣленія къ русской дѣйствительности; онъ излагаетъ шеллингянскія положенія о значеніи религіи, о различіи Россіи и Западной Европы въ ихъ историческихъ судьбахъ и старается опредѣлить цѣнность этого различія. Исходя изъ различія цивилизацій русской и зап. европейской, онъ пробуетъ указать основы цивилизаціи той и другой и приходитъ къ выводу, что разница покоится на разныхъ основахъ возникновенія культуры з. европ. и русской. Въ западной культурѣ Кирѣевскій видитъ дальнѣйшую эволюцію римскаго государства, которое опредѣлило физиономію и ходъ развитія западной цивилизаціи. Главной основой ея является римское право, стремившееся всякое проявленіе общественной жизни подчинить теоретическому руководству законовъ, выросшихъ на римской почвѣ; въ созданіи западной цивилизаціи имѣло большое значеніе завоеваніе, т. е. появленіе варварскихъ народовъ въ предѣлахъ римской имперіи, которые на обломкахъ ея воспроизвели основы ея культуры, сочетавъ съ своими, въ результатѣ чего получился средне-вѣковный строй. Такимъ образомъ западная цивилизація не мирное развитіе культуры, но разрушеніе стараго зданія и постройка новаго, чѣмъ и объясняется военный строй западныхъ государствъ; во главѣ cadaго государства тамъ стоитъ полководецъ-феодалъ, управляющій посредствомъ военной силы

остальной массой.

Совершенно другая картина является на востокѣ Европы, въ Россіи. Здѣсь нѣтъ элемента завоеванія; тѣ вторженія дикарей, которыя временно подчиняли русскую землю, не оказали виднаго вліянія на русское государство, сложившееся еще до нашествія кочевниковъ. Основа русскаго /даже вообще славянскаго/ государства лежитъ въ старомъ патріархальномъ бытѣ: понятіе о власти на востокѣ есть понятіе не о завоеваніи, но о правѣ старшаго, патріарха въ семьѣ и черезъ посредство рода, потомъ племени выработалось понятіе о государственной власти. Поэтому власти въ смыслѣ западноевропейскомъ въ древней Руси не существовало, и призваніе князей является фактомъ болѣе добровольнаго соглашенія, несущественнымъ для пониманія о русскомъ государствѣ, которое остается земскимъ строемъ, развитіемъ патріархальнаго начала, которое ярче всего проявляется въ выборномъ, вѣчевомъ, земскомъ началѣ. Въ силу этого русскому государству принадлежать преимущества въ томъ отношеніи, что западные завоеватели отдѣлились отъ общества, какъ эксплуатирующіе отъ эксплуатируемыхъ, на востокѣ же власть, выработавшаяся въ коллегіальномъ началѣ, не порывала съ населеніемъ, но выросши изъ нѣдръ его, находилась всегда въ связи съ нимъ. Отсюда Кирѣевскій дѣлаетъ довольно неожиданный выводъ, что власть принадлежитъ всему народу, и лицо, стоящее во главѣ его, является только носителемъ обще-народной воли.

Строя два различных типа государствъ востока и запада, Кирѣевскій могъ легко допустить противоположность исконныхъ началъ, и, продолжая эту мысль, славянофилы говорили уже о неприменимости западныхъ основъ на Руси, чего однако не говорилъ Кирѣевскій, указывая этими разсужденіями необходимость при заимствованіи съ запада, считаться съ этимъ различіемъ. Въ своихъ разсужденіяхъ о христіанствѣ Кирѣевскій также говоритъ, что христіанство на западѣ выработалось примѣнительно къ нормамъ римскаго права, на востокѣ подъ вліяніемъ чистой идеи христіанства, какимъ оно было въ первыя вѣка; поэтому оно вылилось въ особую форму, отличную отъ западной; католичество, зародившись въ Римѣ, имѣло во главѣ государя-первосвященника, облеченнаго полнотою власти, управляющаго при помощи законовъ, несущихъ печать римскаго права, и потому первоначальный идеальный строй христіанства не существуетъ для рационалистическаго католицизма: необходимость проведенія римскихъ правовыхъ нормъ отложила въ видѣ рационализма на религіи, и основная идея христіанства, — свободное, коммунистическое начало, исчезло на Западѣ. Напротивъ, на Востокѣ, гдѣ сохранилось исконное соборное начало, христіанство представляетъ болѣе чистый типъ, по духу своему болѣе близкій къ истинному, и, конечно, такое христіанство болѣе всего подходило къ тому общинному, коллегдальному быту, который лежитъ въ основѣ государствъ Востока

Послѣ этихъ разсужденій и выводовъ Кирѣевскій пробу -
еть объяснить ходъ развитія зап. Европы, какъ слѣдствіе ус-
ловій, лежащихъ въ основѣ запада. Протестантизмъ, явившійся
какъ бы поправкой, возвращеніемъ къ истинной идеѣ христіан-
ства, тѣмъ не менѣе былъ поправкой неудачной, такъ какъ
стремленіе возсоздать соборное начало въ религіи онъ не
довелъ до конца, потому что правовое начало было имъ сохра-
нено, что опять внесло разсудочный элементъ въ него, и по-
тому онъ тоже уступаетъ вост. христіанству. Изъ всего этого
Кирѣевскій дѣлаетъ широкое обобщеніе и говоритъ, что осно-
ва культуры заключается въ установленіи равновѣсія между
элементами разсудка и вѣры. /въ чемъ мы видимъ своеобраз-
ное примѣненіе идей Шеллинга о единствѣ духа и матеріи/,
и гдѣ это равновѣсіе существуетъ, гдѣ есть гармонія между
вѣрой и разумомъ, тамъ культура находится на правильномъ
основаніи. Этого то равновѣсія Кирѣевскій не находитъ на
Западѣ, гдѣ разсудокъ преобладаетъ надъ вѣрой, зато на
Востокѣ равновѣсіе сохранено, благодаря тому, что тамъ су-
ществуетъ идеальный правовой строй, въ которомъ народъ пе-
редаетъ лишь власть свое одному лицу.

Нетрудно видѣть въ этихъ взглядахъ Кирѣевского осно-
ву всего будущаго славянофильства, и вся крайность его за-
ключалась въ излишнемъ обобщеніи выводовъ, такъ что когда
онъ попробовалъ реализовать ихъ, встрѣтилъ противодѣйст-
віе со стороны западниковъ. Самъ онъ послѣ запрещенія "Ев-

ропейца" и ссылки въ деревню на 12 лѣтъ прекратилъ свою дѣятельность, а вернувшись уже выступилъ, какъ типичный славянофилъ. Онъ именно принималъ участіе и состоялъ редакторомъ органа славянофильскихъ воззрѣній, журнала: "Москвитянинъ", издаваемаго Погодинымъ. Въ отличіе отъ "Московского телеграфа" Полевого, посвященнаго главнымъ образомъ проведенію западныхъ идей, "Москвитянинъ" постановилъ своей цѣлью разработку русскихъ матерьяловъ и всего относящагося къ русской почвѣ.

Погодинъ, основатель журнала, самъ только однимъ краемъ принадлежалъ къ славянофильству: совершенно чуждый и неспособный къ философскимъ обобщеніямъ, лежавшимъ въ основѣ славянофильства, онъ былъ, однако, убѣжденъ, что изученіе матерьяловъ, относящихся къ Россіи, даетъ основы новаго міросозерцанія и относился предвзято къ западнымъ идеямъ, будучи глубоко убѣжденъ въ чуждости ихъ для Россіи. Насколько онъ былъ мало склоненъ къ философіи и какъ односторонне понималъ дѣйствительность, видно изъ его сочиненій. Въ "Историческихъ афоризмахъ" Погодинъ, пробуя дать объясненіе русскому прошлому при помощи философіи Шеллинга, признаетъ, что она намъ не нужна и что надо обращаться непосредственно къ изученію русскихъ матерьяловъ. Крупная сила, коллекціонеръ въ душѣ и любитель извлекать матерьяльную выгоду изъ всего, что возможно, онъ матерьялистически относился и къ славянофильству и, говоря о славянской вза-

имности, /онъ до сихъ поръ въ Австріи считается основате-
лемъ Русскаго панславизма/ онъ всегда считалъ, что Россія
должна имѣть преимущество, что славянскія народности долж-
ны войти въ составъ русскаго государства, рассуждалъ, какъ
истинный бюрократъ. И, какъ представитель этого государства,
по площади и населенію огромнаго, сравнительно съ остальными
славянскими, онъ смотритъ невольно на послѣдніе свысока.

Какъ разъ въ это время въ Чехіи широко пошло возрожденіе
идей славянской взаимности; во всѣхъ областяхъ славянской
литературы работалъ Шафарикъ, писалъ о единствѣ славянскихъ
племенъ, изучалъ славянскую древность, языки и т.п. и Пого-
динъ не остался совсѣмъ чуждъ этому: онъ отправился въ Пра-
гу, познакомился съ Шафарикомъ, завелъ съ нимъ сношенія и
покровительственно убѣждалъ отправиться въ Россію, гдѣ, увѣ-
рялъ онъ, онъ найдетъ настоящее приложеніе своимъ талантамъ,
думая невольно и прежде всего извлечь изъ него выгоду въ
смыслѣ возвеличенія Россіи. И такъ какъ Шафарикъ, проте-
стантъ, преслѣдуемый католическимъ правительствомъ, находил-
ся въ стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ, Погодинъ обѣщалъ
между прочимъ помочь ему матерьяльно; вмѣсто этого просто
сдѣлалъ въ Москвѣ открытую подписку для ученаго, чѣмъ ос-
корбилъ деликатнаго Шафарика, видѣвшаго въ предложеніи По-
година личное одолженіе со стороны послѣдняго.

Изъ этихъ фактовъ видно, что Погодинъ не былъ представителемъ широкихъ общественныхъ теченій и въ помощь себѣ онъ пригласилъ челоуѣка болѣе философски образованнаго, Шеврева, который былъ профессоромъ теоріи художественной литературы въ М.У. и самъ былъ довольно незаурядный поэтъ въ народномъ духѣ, такъ что литературно художественная сторона "Москвитянина" была въ хорошихъ рукахъ, но журналу все еще не хватало настоящаго философскаго направленія, считавшагося необходимымъ для всякаго серьезнаго журнала, и эту философскую сторону долженъ былъ внести Кирѣевскій. Онъ помещаетъ въ "Москвитянинѣ" рядъ статей по русской исторіи, отправляясь отъ общей схемы, нарисованной еще въ "Европейцѣ", онъ старается подвести отдѣльныя явленія подъ нее, и въ этомъ выразилось отчасти вліяніе матерьялистическаго Погодина. Именно главными положеніями Кирѣевскаго являются теперь необходимость "почвенности", такъ какъ всякая культура основывается на историческихъ условіяхъ даннаго народа, освѣщеніе русскаго прошлаго съ славянофильской точки зрѣнія, т.е. идеализація того періода русской исторіи, когда не начало сказываться западное вліяніе, откуда взглядъ на Петровскія реформы, какъ на ошибку, поставившую Россію въ новое русло, несоотвѣтствовавшее требованіямъ историческихъ условій. Въ заключеніе Кирѣевскій стремится дать основы для будущей славы Россіи и находитъ ихъ въ тѣхъ условіяхъ русскаго прошлаго, которыя вознесли на такую высоту

Россію. Но дѣятельность Кирѣвскаго въ качествѣ редактора "Москвитянина" опять прекратилась очень скоро.

Братъ Ивана Кирѣвскаго, Петръ, проходилъ вначалѣ ту же дорогу что Иванъ, но онъ предпочиталъ практическую дѣятельность вмѣсто теоретическихъ разсужденій и положилъ всѣ силы на собраніе матерьяловъ для изученія русской народности, которая рисовалась ему въ русскомъ прошломъ, почему онъ усердно имъ занимался. Судя по отрывкахъ изъ работъ его, дошедшихъ до насъ, видно, что онъ былъ недюжинный знатокъ старинной Руси, которую онъ, несомнѣнно, идеализировалъ, желая ее реконструировать по схемѣ, данной Иваномъ. Изъ области юридическихъ отношеній въ древней Руси Петра Кирѣвскаго особенно интересовали вѣчевое устройство, отношеніе князя къ остальнымъ людямъ, и онъ старался въ современной жизни найти сохраненіе исконныхъ началъ именно въ крѣпостной средѣ, которой этимъ мы обязаны. Здѣсь уже сказывается та идеализація простаго народнаго быта, которая ярко сказывается у позднѣйшихъ славянофиловъ и народниковъ, и Кирѣвскій можетъ быть причисленъ къ числу предковъ такого типа "кашагося дворянина", который особенно развивается въ 50-60-хъ годахъ.

Признавъ, что народъ является хранителемъ древнихъ завѣтовъ, Петръ Кирѣвскій старается ближе узнать эти завѣты и поэтому обращается къ непосредственному изученію народнаго быта и поэзіи; съ 30-хъ годовъ онъ становится

совершенно определенным деятелем в этом отношении, является в центре этнографов, собирателей русской народной поэзии, и на эту работу уходит вся его жизнь. Ему мы обязаны собранием большого материала по народной поэзии, который не только славянофилам, но и позднейшим объективным ученым много дал для изучения народной литературы. П. Кирѣевскій съ 30-х годов поселился в Орловской губернии и присматривался къ народному быту и поэзии, начиная съ записи духовныхъ стиховъ, потому что его прежде всего интересовали вопросы о религіозномъ самосознаніи народа; обладая въ 1832 г. обширнымъ собраниемъ духовныхъ стиховъ /около 800/, онъ не могъ, однако, ихъ выпустить, вслѣдствіе опасенія духовной цензуры, какъ-бы народное міросозерцаніе, выйдя наружу не послужило къ умаленію славы народа. Такимъ образомъ попытка Кирѣевскаго разбилась о бюрократическую стѣну, и лишь подъ покровомъ "Общества Исторіи древностей россійскихъ" въ 1848 г. удалось ему напечатать около 70 стиховъ.

Это было первое научное собраніе памятниковъ поэзии, и любопытно въ немъ предисловіе Кирѣевскаго, гдѣ онъ въ значительной степени выясняетъ свое міросозерцаніе. Для него народная поэзія - старина, кончившая свое существованіе, не могущая даже возродиться при современныхъ условіяхъ, но, несомнѣнно, высоко-художественная; она обладаетъ общечеловѣческими данными и все-таки при современ-

нихъ условіяхъ обречена на вымирание, такъ что Кирѣевскій сравниваетъ народную поэзію съ дубомъ, широко раскинувшимъ свои вѣтви, но который подрубленъ въ корнѣ. Онъ считаетъ обязанностью всякаго русскаго человѣка сохранять эти одѣльные вѣтви нѣкогда огромнаго дерева, тѣмъ болѣе, что современная народная поэзія — пошлая фабричная пѣсня — не можетъ ити въ сравненіе съ древней. Кирѣевскій ставилъ своей задачей воссозданіе истинной народной поэзіи, и, судя по его работамъ / въ рукописяхъ/, мы видимъ громадную работу его: онъ понималъ значеніе вариантовъ и, руководясь своимъ чутьемъ болѣе, чѣмъ критикой, старался возстановить первоначальный видъ пѣсенъ. Собранный имъ громадный матеріалъ / до 15000 листовъ/ желалъ обработать такъ, чтобы онъ предсталъ передъ нами въ томъ видѣ, въ какомъ нѣкогда существовалъ, но — употребивъ на это всю жизнь, онъ ничего издать кромѣ духовныхъ стиховъ не успѣлъ. Его наслѣдіе осталось погребеннымъ до 60-хъ г.г., когда оно вышло въ изуродованномъ видѣ, и лишь въ 1911 г. стало выходить настоящее собраніе матеріаловъ Кирѣевскаго. Позднѣйшія поколѣнія широко использовали эти матеріалы, и Кирѣевскій можетъ считаться родоначальникомъ изслѣдованій русской народной литературы, съ которыми мы еще встрѣтимся, и во главѣ которыхъ становится Хомяковъ.

Такимъ образомъ къ 40-мъ годамъ были выяснены все элементы славянофильства, но какъ мы знаемъ рядомъ съ нимъ

существовало въ русской общественной мысли другое теченіе, вышедшее изъ той же нѣмецкой философіи, именно западниче-ство, къ разсмотрѣнію котораго мы и обратимся.

ЛЕКЦІЯ VII-АЯ.

Мы уже говорили, что оба теченія русской мысли по своимъ основамъ, принципамъ исходятъ изъ западн.европ. философскихъ системъ, въ частности философіи Шеллинга: изъ этой широкой философіи брали свои положенія и западники и славянофилы, но пониманіе ими этихъ положеній были различны. И та, и другая сторона была убѣждена, что наступаетъ кризисъ міросозерцанія, что старое міросозерцаніе отжило и необходимо позаботиться о созданіи новаго, болѣе цѣлесообразнаго, которое должно лечь въ основу будущаго развитія общества. Исходя изъ одной и той же философіи, обѣ стороны совершенно расходились въ вопросѣ, насколько эта нѣмецкая философія приложима къ русской жизни, въ самомъ, слѣдовательно, пониманіи русской почвы.

Какъ мы указывали, славянофилы полагали, что западная культура въ основѣ является исторической ошибкой, и не можетъ вести къ единству и цѣльности міросозерцанія. Западники, напротивъ, считали, что западная культура доказала правильность своихъ основъ, а потому и должна служить отправной точкой для созданія новаго міросозерцанія. Въ

оцѣнкѣ славянофиловъ западная культура опредѣлялась какъ только западная, а не общечеловѣческая, такъ какъ рядомъ существуетъ восточная, которая подчиняется другимъ законамъ и которая признается болѣе правильной; если же въ западной культурѣ и есть общечеловѣческіе элементы, то это только отдѣльныя черты и отнюдь не вся она въ цѣломъ. Общечеловѣческая культура слагается изъ элементовъ и восточныхъ и отчасти западныхъ, и самый типъ новой культуры и міросозерцанія, ясно, долженъ быть иной, чѣмъ западно-европейскій. Западники же болѣе склонны къ тому, чтобы представить западную культуру какъ передовую общечеловѣческую, причемъ они видятъ въ ней столько общечеловѣческихъ чертъ, что на нихъ можно строить новое міросозерцаніе. Не отрицая значенія восточной культуры, они придаютъ ей значеніе дополненія, корректива къ основамъ западной.

Точно также въ оцѣнкѣ русской жизни славянофилы являются представителями стародумства, считаютъ древній бытъ Руси истиннымъ выраженіемъ вѣчныхъ основъ народности, западники не признаютъ преимуществъ этого восточнаго быта, указывая, что въ исторіи русской жизни, обреченной на застой благодаря національной исключительности, наиболѣе цѣнными являются эпохи, когда въ Россію стало проникать западное вліяніе. Славянофилы ставили вопросъ о національной культурѣ, признавали для даннаго народа одну, свойственную ему, культуру, западники, не отрицая національнаго

вопроса, считали національное менѣе цѣннымъ, чѣмъ общечеловѣческое. По мнѣнію славянофиловъ русскій человѣкъ будетъ исполнять свое назначеніе только тогда, когда станетъ дѣйствительно "русскимъ", усвоивъ изъ западной культуры элементы, не противорѣчащіе его основнымъ свойствамъ /а такихъ элементовъ на западѣ мало и даже вовсе нѣтъ/ т.е. русскій народъ долженъ сохранять прежде всего свою національность, внося въ общечеловѣческую культуру нѣчто новое, высоко цѣнное съ точки зрѣнія общечеловѣческаго и въ то же время русское. Западники считаютъ, что человѣкъ долженъ въ себѣ развивать прежде всего общечеловѣческіе элементы, свои же русскіе постольку, поскольку въ нихъ заключается это общечеловѣческое, т.е. въ составъ новой культуры должны войти отчасти и русскія начала. Короче говоря у славянофиловъ представленіе о будущей культурѣ было, какъ о культурѣ въ основѣ восточной и національной съ прибавкой западныхъ элементовъ, у западниковъ, какъ о западной въ основѣ плюсъ нѣкоторыя восточныя національныя черты.

Вотъ приблизительно тотъ порядокъ мыслей, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло. При такой общей формулировкѣ направленій, разумѣется, нельзя ожидать противоположности во всемъ: но и другое теченіе русской мысли имѣло своей дѣлью созданіе новой русской культуры, которая заняла бы подобающее мѣсто среди другихъ, и потребность нова-

го міросозерцанія, необходимость распространить его въ широкихъ кругахъ общества составляютъ общіе черты обоихъ направлений. Въ деталяхъ, въ путяхъ и средствахъ къ достиженію этой общей цѣли расходятся западники и славянофилы, особенно въ оцѣнкѣ явленій исторически сложившейся русской жизни, въ чемъ собственно заключается главный пунктъ противорѣчій, дошедшихъ потомъ до крайнихъ предѣловъ. Обѣ партіи такъ или иначе должны были бороться другъ съ другомъ, потому что пунктъ, въ которомъ онѣ расходятся былъ важенъ для нихъ при практическомъ осуществленіи ихъ идеи дальнѣйшемъ теоретическомъ обособленіи ученія. И, какъ во всякой борьбѣ, мы видимъ сначала болѣе или менѣе спокойное обсужденіе взглядовъ противника, спокойную формулировку своихъ взглядовъ, затѣмъ болѣе опредѣленныя и детальныя очертанія этихъ взглядовъ, которые становятся все болѣе рѣзкими и переходятъ подъ вліяніемъ борьбы, желанія защитить свой взглядъ въ крайности, стремящіяся прямо отрицать чужія, хотя бы въ силу того, что они идутъ отъ противника. И въ теченіе 40-50 лѣтъ оба теченія расходятся до высшей степени противоположности, становятся разными исповѣданіями, исключаящими одно другое. Если западникъ беретъ за изученіе русской исторіи, напримѣръ, онъ уже съ предубѣжденіемъ принимается за него, именно потому, что его противникъ придаетъ значеніе изученію положительныхъ сторонъ исторіи родины, если же славянофилъ беретъ за ту же русскую исторію, онъ усиленно под-

черкиваетъ ея свѣтлыя стороны и старается всячески дискредитировать эпоху, которую признають цѣнной западники.

Такая борьба, однако, даетъ возможность ясно видѣть слабыя стороны обѣихъ партій. Славянофилы идутъ постоянно къ той національной исключительности, которая первоначально не входила совсѣмъ въ ихъ программу: указывая на на основн русской культуры, первые славянофилы /Кирѣевскій/ не доказывали необходимости ограничиваться туземнымъ матерьяломъ. И первые западники смотрятъ на русскую культуру иначе, чѣмъ послѣдующіе, въ устахъ которыхъ названіе "русскій" было символомъ ретрограда; они даже избѣгаютъ категорическаго вопроса, что такое русская культура и для чего она годна. Они признають, что историческія условія не позволили намъ идти наравнѣ съ Западомъ, вслѣдствіе азіатскихъ погромовъ, и такимъ образомъ русская исторія, показывая историческую заслугу Россіи, какъ оплота защищавшаго Европу отъ варварскихъ нашествій. Если же мы запоздали, то должны догонять и изучать западную культуру, продвинувшую человѣчество такъ далеко впередъ. Позднѣе, подъ вліяніемъ борьбы такое гуманное отношеніе къ русской дѣйствительности уклоненіе отъ отрицательныхъ оцѣнокъ ея пропадаетъ.

Западничество создается постепенно, параллельно возникновенію ученія славянофиловъ; предтечей западничества является Венивитиновъ, въ идейномъ отношеніи для развитія западной доктрины сдѣлавшій впрочемъ мало, и больше имѣетъ

значенія для развитія ея Н.В.Станкевичъ. Станкевичъ въ исторіи западничества занимаетъ такое же приблизительно мѣсто, какъ И.Кирѣевскій въ исторіи славянофильства. Внѣшнія условія его дѣятельности отчасти напоминають намъ условія дѣятельности Веневитинова: богатый московскій аристократъ, получившій европейское образованіе у себя дома и потомъ за границей, онъ становится центромъ кружка, разрабатывающаго философскіе вопросы по системѣ Шеллинга, Оккена, Гегеля. Первоначально члены кружка не ставили своей задачей примѣненіе къ русскому обществу положеній западной философіи; они сами еще учились и старались выяснитъ себѣ философскія проблемы.

Кружокъ Станкевича группировался около университета. Московскій университетъ представлялъ въ то время довольно жалкое зрѣлище: рутинеры профессора, представители бюрократическаго правительства, или старики уставшіе въ борьбѣ съ обскурантизмомъ, не могли держать преподаваніе на надлежащей высотѣ, жизнь университета не могла быть живой академической въ собственномъ смыслѣ слова. Передъ этимъ были разгромлены Казанскій и Петербургскій университеты, вліяніе Магницкаго и Рунича оказывало свои послѣдствія и въ Москвѣ въ отсутствіи преподаванія наукъ, особенно необходимыхъ обществу; не только философія, но и логика считалась злоюредной, даже опасными, чтеніе логики для безопасности было поручено профессору богословія, какъ представителю православ-

ной религиозной мысли, считавшейся опорой міросозерцанія въ правительственныхъ кругахъ. Дѣятельность профессоровъ была стѣснена до невозможности: имъ было предписано читать по одобреннымъ правительствомъ учебникамъ, запрещено составлять свои собственныя лекціи и т.д. Такъ что университетъ не могъ отвѣчать интересамъ общества, и это вызвало общество къ самодѣятельности въ его молодыхъ силахъ; московскіе аристократы, студенты, получавшіе лучшее образованіе дома, не стремились къ карьерѣ черезъ университетъ, мало находили удовлетворенія въ университетскомъ преподаваніи своимъ идеальнымъ потребностямъ и собирались въ кружки, гдѣ занимались самообразованіемъ, которе и послужили центромъ созданія новаго міросозерцанія.

Въ силу этого Московскій Университетъ представлялъ оригинальное явленіе: съ одной стороны казенная, скучная, оффиціальная наука, рядомъ же съ ней живые студенческіе кружки, старавшіеся расширить и использовать все, что только могъ дать университетъ. Близко стоялъ къ университету и кружокъ "любомудровъ", преемникомъ котораго и можно считать кружокъ Станкевича. Станкевичъ, будучи студентомъ, собиралъ вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кто не удовлетворялся преподаваніемъ университета, тѣмъ болѣе, что философскія проблемы все-таки проникли и волновали общество послѣ дѣятельности Галича, Павлова и Одоевскаго. Таковы въ сущности психологическія основы возникновенія кружка Станкевича, и, надо

замѣтить, изъ него вышли впоследствии такіе извѣстные дѣятели, какъ Герценъ, Бакунинъ, Огаревъ, въ кружкѣ началось образованіе Бѣлинскаго, и на Тургенева, какъ и многихъ другихъ кружковъ оказалъ извѣстное вліяніе. Поэтому намъ слѣдуетъ ближе ознакомиться съ дѣятельностью кружка и его членовъ.

Дѣятельность самого Н.В.Станкевича была не обширна, такъ какъ онъ умеръ въ очень молодомъ возрастѣ. Онъ сохранилъ свое значеніе главнымъ образомъ, какъ личность, а не литературный дѣятель, но это значеніе его въ кружкѣ было очень велико. По плану Станкевича кружокъ собирался для изученія современной передовой нѣмецкой философіи; члены кружка, болѣе или менѣе подготовленные знаніемъ иностранныхъ языковъ должны были изучать философію изъ первоисточниковъ. Несмотря на трудность доставать книги философскаго содержанія, благодаря связямъ члены кружка могли это дѣлать, и занятія проходили сначала въ отдѣльномъ изученіи системы Шеллинга, Оккена, Гегеля, потомъ устраивались собесѣдованія. Въ этихъ собесѣдованіяхъ старались сознательно отнестись къ прочитанному, и, конечно, одни члены, болѣе подготовленные, учили, другіе учились еще, и тѣсное общеніе между лицами, принадлежащими къ одному обществу, имѣло послѣдствіемъ извѣстное вліяніе на общество. Отдѣльные члены вышедшіе изъ кружка Станкевича, и были создателями западничества, которое потому и получило значеніе, что

вопросъ о западѣ имѣлъ большое значеніе въ кружкѣ Станкевича, гдѣ вообще разрабатывали вопросы о значеніи просвѣщенія, образованія, культуры, объ основахъ міросозерцанія, объ искусствѣ и т.д. Самая идея просвѣщенія понималась, какъ равномерное, гармоническое развитіе всѣхъ свойствъ человѣка, въ основѣ котораго должно лежать стремленіе къ правдѣ и свѣту. Искусство въ литературѣ и жизни должно вести именно чрезъ красоту къ воспитанію высокаго строя души, залога человѣческаго прогресса. Безъ широкаго просвѣщенія, построеннаго на философскихъ основахъ, нѣтъ правильной, сознательной жизни, само же просвѣщеніе немислимо безъ свободы духа, которая въ свою очередь зависитъ отъ свободы гражданской. Такимъ образомъ члены кружка Станкевича, проповѣдая свободу духа отъ всякой рутины, тѣмъ самымъ проповѣдывали и гражданскую свободу, почему, когда они вышли на путь реальныхъ построеній, они прежде всего высказываются противъ крѣпостного права.

Конечно, не всѣ члены кружка одинаково понимали идеи нѣмецкой философіи; мы видимъ, что изъ кружка вышли совершенно различные люди, какъ Бѣлинскій, который первоначально является проповѣдникомъ идей Гегеля, развивая мысли, что красота, искусство являются необходимымъ элементомъ въ жизни, что художественное произведеніе, возвышая человѣка, ведетъ его къ самосознанію и т.д., Герценъ — фанатическій поклонникъ свободы, противникъ крѣпостного права, постепенно перешедшій къ литературно-соціальной пропагандѣ, Бакунинъ,

ставшіи представителемъ крайнихъ идей коммунизма, Огаревъ, который сталъ крупнымъ представителемъ социальныхъ учений позднѣйшаго времени. Но всѣхъ этихъ людей объединяло стремление къ достиженію идеала, высокое понятіе о человѣкѣ и т.п. И съ этой теоретической точки зрѣнія программа кружка и была наиболѣе доступной обществу. Порядокъ мыслей, идеи кружка не говорили ничего о томъ, что составляло краеугольный камень славянофильства: члены кружка полагали, что идеалъ такъ высокъ, что предъ нимъ отступаютъ мелкіе интересы, волновавшіе славянофиловъ.

Первоначально міросозерцаніе кружка, какъ мы видимъ, не заключало ничего опредѣленнаго и, казалось, стояло внѣ времени и пространства, и опасность для этого направленія сказалась, когда пришло время приложить идеи къ русской жизни, къ чему толкали кружокъ и славянофилы въ своей дѣятельности. Какъ націоналисты, послѣдніе понимали необходимость знакомства съ русской національностью, съ народомъ, и здѣсь первоначально былъ перевѣсъ на сторонѣ славянофильства, постоянно говорившаго о русскомъ человѣкѣ, о его качествахъ, о его прошломъ. Когда западники впервые выходятъ на путь примѣненія своихъ началъ къ жизни, они игнорируютъ ту подкладку, въ которой славянофилы видятъ всю сущность своей дѣятельности, и являются противниками утвержденія, что исторически сложившійся старинный русскій строй единственно возможенъ для Россіи и теперь. Какъ бы то ни было, но и славяно-

филы и западники не были приятны людям, которые придерживались знаменитой формулы Бенкендорфа: "прошлое России блестяще, ее современное великолѣпно, а будущее ее даже не поддается описанію". И поэтому вслѣдствіе принципа "кто не за насъ, тотъ противъ насъ", оба теченія русской мысли попали въ опалу у власть имущихъ. Правительство старалось по возможности ограничить дѣятельность кружковъ, тѣмъ болѣе что оно знало западный источникъ философскихъ занятій ихъ, а послѣ іюльской революціи стало особо сурово къ нимъ.

Для окончательнаго ознакомленія съ общественными теченіями 30-40-хъ годовъ слѣдуетъ отмѣтить еще одно направленіе, такъ называемое руссофильское или почвенническое, иначе "оффициальной народности". Если славянофилы считаютъ себя почвенниками, поскольку они опирались на русскій бытъ и прошлое, то руссофилы были съ этой стороны отпрыскомъ славянофиловъ, нашедшими выходъ въ компромиссѣ между славянофильствомъ и правительственными воззрѣніями. Представителями этой группы были люди, по недоразумѣнію считавшіе себя славянофилами, какъ Погодинъ, Шевыревъ и рядъ другихъ. Въ руссофильствѣ мы видимъ рядъ оттѣнковъ образовавшихся подъ воздѣйствіемъ правительства, стремившагося проводить національно-патріотическія идеи: надо было доказать, что национализмъ не противорѣчитъ прогрессу, (что мы видимъ уже у славянофиловъ/ и правительство воспользовалось этой идеей славянофильства. И вотъ явились лица, воспринявъ изъ

ученія славянофиловъ патриотическую и націоналистическую стороны, считали себя служителями правительства: это были представители литературы, напр. Булгаринъ, Сенковскій, Несторъ Кукольникъ, Сергѣй Глинка. Они смотрѣли на себя, какъ на общественныхъ дѣятелей, и полагали, что ихъ задачи тождественны задачамъ правительства, что они должны служить для оправданія правительственной программы. А правительство, естественно, стояло на защитѣ современныхъ положеній россіи / Status quo/: все, какъ оно есть, прекрасно, дальше идти некуда, да и не надо. Представителемъ такого русофильства является Булгаринъ, другіе, какъ Породинъ, Шевиревъ, С.Т. Аксаковъ, отчасти Кирѣевскій, вышедшіе прямо на путь славянофильства, не подаютъ такъ руку правительству, но считаютъ невозможнымъ не сообразоваться съ видами правительства. Шевиревъ посвятилъ себя изученію русской народности въ ея прошломъ и указывалъ ея идеальныя стороны, Породинъ — трезвый историкъ, для котораго матеріальная культура древней Россіи является главнымъ предметомъ изученія, но оба смотрятъ на свою дѣятельность, какъ на выясненіе въ прошломъ русскаго народа, тѣхъ началъ, которыя оправдали бы надежды, возлагаемыя на нихъ современниками.

Ознакомившись съ тремя главными теченіями русской мысли, попробуемъ посмотрѣть отраженіе этихъ теченій въ литературѣ

НОВАЯ И НОВѢЙШ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Листъ 6-й.

М.Н. Сперанскій.

и прежде всего, какъ отнесся къ нимъ представитель литера-
турнаго направленія, ведущаго свое начало съ Пушкина, т.е.
Гоголь.

ЛЕКЦІЯ УІІІ-А

Для выясненія отношенія Гоголя къ указаннымъ теченіямъ
русской мысли, нѣкоторыя указанія могутъ дать его біогра-
фическія данныя. Вспомнимъ, что въ 20-хъ годахъ, по приѣз-
дѣ въ Петербургъ, Гоголь вращался въ кружкѣ Смирновой, со-
стоявшемъ изъ представителей старшаго поколѣнія литерато-
ровъ, какъ Пушкинъ, Вяземскій, Жуковскій, и въ этомъ круж-
кѣ культивировалась литература, какъ явленіе чисто худо-
жественное, что не мѣшало отдѣльнымъ писателямъ быть пред-
ставителями крупныхъ общественныхъ теченій. Самой крупной
фигурой въ кружкѣ былъ, конечно, Пушкинъ, стоявшій внѣ вся-
кихъ теченій, какъ воспитанный въ предшествовавшую эпоху, и
видѣвшій свои задачи въ своей дѣятельности; онъ создалъ
новое отношеніе русской литературы къ дѣйствительности, но
не принадлежалъ ни къ какому опредѣленному философскому
кругу общества, хотя близокъ былъ съ Веневитиновымъ, чувст-
вуя въ немъ нарождающіяся потребности русской жизни. Мы ви-
димъ, что главный руководитель литературныхъ интересовъ
Гоголя, Пушкинъ, не могъ дать указаній ему для опредѣленія
отношеній къ теченіямъ общественной мысли, кстати только
нарождавшимся, поддерживая въ Гоголѣ тѣ качества, которыя

онъ ставилъ въ немъ выше всего: художественный реализмъ, чувство дѣйствительности. И Поэтому въ произведеніяхъ Гоголя, культивировавшихъ малорусскую народность, въ попыткахъ создать историческій романъ /неоконченная повѣсть "Острица"/ интересъ Гоголя къ народности нельзя ставить въ связь съ націоналистическими теченіями будущихъ славянофиловъ. Критическая и публицистическая дѣятельность Гоголя /"Арабески"/ носитъ тоже совершенно иной характеръ; статьи Гоголя, какъ статьи "Бориса Годунова" "О среднихъ вѣкахъ", "Ал-Мамунъ" и др. показываютъ, что Гоголя интересовали отвлеченные вопросы или идеи искусства, художественнаго порядка, иначе, нежели, Одоевского, Кирѣевскихъ и др. Даже статья въ видѣ рецензій на "Сборникъ малорусскихъ пѣсень" Максимовича показываетъ, что Гоголь далекъ былъ отъ возрѣнія на народную поэзію, какъ на источникъ изученія народности, для него пѣсня - матеріалъ для художественнаго воспроизведенія народности. Характерной для Гоголя является рецензія на "Бориса Годунова", которую трудно назвать критическимъ отзывомъ: это скорѣе диэирамбъ, гдѣ все удѣлено признанію высокаго достоинства, увлекательнаго значенія этой крупной драмы, иными словами, Гоголь опредѣляетъ чисто литературное значеніе драмы, оставляя въ сторонѣ общественныя теченія, получившіе освѣщеніе въ драмѣ Пушкина. Такимъ образомъ ранній періодъ дѣятельности Гоголя уясняетъ намъ, что онъ стоялъ внѣ нарождавшихся теченій и шелъ дорогой Пушкина; единственно, что роднитъ обоихъ писа-

телей съ общественнымъ теченіемъ, это изученіе понятія народности, которое имѣетъ для нихъ художественно-литературную цѣль.

Въ 30-хъ г.г. Гоголь переходитъ на другую дорогу, онъ становится сатирикомъ, пишетъ "Ревизора", у него возникаетъ уже идея "Мертвыхъ душъ". Какъ писатель-сатирикъ, пишущій произведенія обличительнаго характера, Гоголь на первый взглядъ подходитъ къ западникамъ, къ ихъ отрицательному отношенію къ русской дѣйствительности. Но присматриваясь ближе къ идеямъ сатиры Гоголя, мы видимъ, что осмѣиваніе пошлой современной жизни Гоголь не ставитъ въ связь съ потребностью созданія новаго міросозерцанія, это міросозерцаніе есть вѣчто "данное", отъ него уклонилось человѣчество. Исходнымъ пунктомъ для него является уродливость современной жизни по отношенію къ идеальной; въ глазахъ писателя его произведеніе не является служебнымъ для какихъ либо опредѣленныхъ современныхъ теченій, но это не отнимаетъ у него общественнаго значенія: позднѣйшая литература руководилась взглядами Гоголя на русскую дѣйствительность съ цѣлью уже перестроить общество на иныхъ началахъ. Что касается отношенія общества къ произведеніямъ Гоголя, то понятны съ одной стороны повальный восторгъ къ произведеніямъ гениальнаго сатирика, съ другой не менѣе энергичный протестъ, и смотря по тому, кто признаетъ ихъ и кто отрицаетъ, можно судить объ отношеніи общественныхъ теченій къ Гоголю.

Въ числѣ хулителей мы прежде всего видимъ русофиловъ и отчасти славянофиловъ, признававшихъ глубокій талантъ писателя, но видѣвшихъ въ его произведеніяхъ нарушение равновѣсія, которое они хотѣли установить, развѣнчиваніе русофильской идеи о значеніи Россіи. Это были люди консервативнаго характера, исповѣдывавшіе патріотическіе идеи, люди "официальной народности": современное положеніе Россіи, въ ихъ глазахъ не нуждавшееся въ какихъ либо улучшеніяхъ и измѣненіи, въ "Ревизорѣ" оказалось несостоятельнымъ въ корнѣ: патріотическія вѣрованія оскорблены. Зато съ великимъ восторгомъ отнеслись къ Гоголю люди прогрессивные, увидѣвшіе въ его произведеніяхъ подтвержденіе своихъ мыслей, что Россія не можетъ существовать далѣе на современныхъ основахъ: современная Россія въ изображеніи Гоголя оказалась такъ мало пригодной для культурной жизни, какъ и полагали представители прогрессивнаго направленія, во главѣ которыхъ явился Бѣлинскій и многіе выдающіеся западники.

Такимъ образомъ ясно, что Гоголь, сознавая свою правоту, исходилъ изъ одного настроенія, изъ несоотвѣтствія русской дѣйствительности съ общечеловѣческой идеей, та произведенія его оцѣнивались съ точки зрѣнія служебной, примѣненія къ современной и будущей жизни. Поэтому Гоголь оставался въ сторонѣ, не причислялъ себя ни къ той, ни къ другой партіи, хотя вращался уже въ средѣ московскихъ представителей русско-націоналистической партіи. Онъ былъ близокъ съ Шевыр-

внѣ, Погодиннѣ, съ Аксаковнѣ, особенно съ Сергѣемъ Тимо-
еевичемъ, принималъ нѣкоторое участіе въ "Москвитяинѣ"
и въ кружкѣ славянофиловъ, во главѣ съ Кирѣевскимъ; впро-
чемъ главное общество Гоголя составляли руссофилы, славяно-
филы же поскольку сближались съ руссофильствомъ, Нельзя изъ
этого выводить, что Гоголь тянулъ болѣе къ руссофиламъ, по-
тому что онъ, какъ писатель индивидуалистъ, не примыкалъ ни-
куда, считалъ свою идею настолько всеобъемлющей, что подъ
нее подойдутъ все теченія лишь только цѣликомъ усвоятъ его
идеаль, и эти взгляды Гоголь высказывалъ и самъ въ перепискѣ
съ А.О.Смирновой.

Смирнова была одно время центромъ петербургскаго па-
триотизма и даже вообще русской интеллигенціи; потомъ уѣ-
хавъ изъ Петербурга въ Тулу, она сохранила свою отношенія
съ извѣстными литературными дѣятелями. Она, несомнѣнно,
человѣкъ замѣчательный по своему художественному развитію и
образованію и является до извѣстной степени мѣриломъ для
сужденія о состояніи современнаго ей общества. Въ перепис-
кѣ Гоголя съ ней, несмотря на ^{при} кровенный характеръ его пи-
семъ, мы находимъ очень многое по данному вопросу. Гоголь
высказывается о своемъ отношеніи къ славянофиламъ и запад-
никамъ, повидимому, отвѣчая на вопросъ, поставленный ему,
отрицательно; онъ говоритъ, что у него нѣтъ дѣла ни съ тѣ-
ми, ни съ другими, что его задача гораздо выше мелкихъ за-
дачъ и интересовъ этихъ людей. Задача же его великая, ко -

торая его связывает и для выполнения которой онъ явился въ міръ, именно; найти "человѣка", указать, что такое человекъ и какимъ онъ долженъ быть; при этой задачѣ отступать на задній планъ остальные стремленія общественныхъ группъ, какъ частныя, временныя.

Мы видѣли, что Гоголь въ средній, наиболее продуктивный періодъ своей дѣятельности становится моралистомъ и идея моральная связывается у него съ религіозной. Съ этой точки зрѣнія понятно, почему Гоголь вращался въ обществѣ руссофиловъ и славянофиловъ: они представлялись ему ближе къ этической идеѣ, во имя которой онъ совершалъ свою дѣятельность, вдобавокъ религіозныя идеи играли и у нихъ большую роль. Гоголь же былъ человекъ религіозный, но безъ строгой философской подготовки и горячо любившій свою родину; естественно, что теченія руссофиловъ, гдѣ патриотизмъ и религіозность играли большую роль, привлекало его, хотя онъ никогда вполне ему не подчинялся. Онъ видѣлъ, напримѣръ, въ К. Аксаковѣ человека православнаго, близкаго къ идеалу, и не интересовался его философскими настроеніями, въ С. Т. Аксаковѣ Гоголь также видѣлъ осуществленіе національно русскаго начала, но начала не идеальнаго, а подходящаго къ его этическимъ воззрѣніямъ. Какъ человекъ, любящій родину, онъ интересуется Малороссіей и ея жизнью и былъ близокъ съ Бодянскимъ, Максимовичемъ и другими земляками.

Тогда вопросъ о Малороссіи рѣшался различно: Погодинъ,

какъ узкій патриотъ, полагаль, что Малороссія должна войти въ составъ Россіи, совершенно растворившись въ русской стихіи. Максимовичъ и другіе малороссы считали, что обѣ народности в.русская и м.русская должны сохранять свою національность, сливаясь лишь въ одно государство въ одну общерусскую народность, не поглощая другъ друга. Гоголь, любя Малороссію, никогда не доходилъ до опредѣленія отношеній между народностями в.русской и м.русской. Въ письмахъ къ Смирновой /1844 г./ мы видимъ, что Гоголь даетъ отвѣтъ подъ вліяніемъ разговоровъ, кто онъ м.россъ или в.россъ: "душа, хохлацкая или русская. Знаю только, что никакъ не даль бы преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ у другой, явный знакъ того, что онѣ должны дополнить одна другую." Такой отвѣтъ, конечно, является результатомъ его этического настроенія, которое для него выше вопроса національнаго, и живя въ своемъ особомъ мірѣ, Гоголь сталъ отдѣльно отъ общественныхъ теченій, почему и уклонился отъ прямого отвѣта на вопросъ, произведенія же его имѣли "пассивное" значеніе, т.е. они имѣли большее значеніе для разработки тогдашнихъ литературныхъ взглядовъ, а авторъ не принималъ лично въ этомъ активнаго участія.

Уже къ концу созданія первой части "Мертвыхъ душъ" Гоголь начинаетъ сомнѣваться, дѣйствительно ли онъ идетъ той

дорогой, которая нужна для выполнения его идеи, и послѣ 1842 года онъ уже иначе формулируетъ свою задачу. Если прежде онъ считалъ сатиру дѣломъ долга, который долженъ найти истиннаго человѣка, теперь онъ задумывается надъ тѣмъ, является ли сатира съ этической точки зрѣнія состоятельной: онъ находитъ, что несогласно съ долгомъ христіанина любви къ ближнему заниматься сатирой, потому что въ такомъ человѣкѣ не видно истинной любви, сатира огорчаетъ человѣка. Гоголь начинаетъ понемногу относиться отрицательно къ всей своей дѣятельности и, совершенно насилуя свой талантъ, признаетъ всю ее ошибкой, что онъ уже разъ сдѣлалъ отказавшись отъ художественной дѣятельности въ духѣ "Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки" и перейдя къ сатирѣ. Точно также осудилъ онъ то, что въ 1836 г. считалъ главной задачей своей жизни; съ этихъ поръ старается создавать положительные поучительные типы въ своихъ произведеніяхъ, боясь сплошнымъ отрицаніемъ довести человѣка до отчаянія.

Рядомъ съ этимъ стоитъ измѣненіе всего міросозерпанія Гоголя въ сторону морализма въ связи съ религіозной идеей, для чего драгоцѣнный матерьялъ представляютъ его письма. Эти письма показываютъ, что за 1843-4 г.г. особенно сильно повышается настроеніе Гоголя, всѣ его письма и произведенія облекаются въ формы религіознаго почти размышленія, являются чуть не проповѣдью, и послѣднимъ пунктомъ въ этомъ развитіи являются "Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", вышед-

ше въ 1847 г. Впечатлѣніе, произведенное этимъ произведе-
ніемъ, было ошеломляющее, даже друзья Гоголя и лица, раздѣ-
лявшіе его точку зрѣнія и симпатизировавшіе ему, какъ Пого-
динъ, Аксаковы, Шевиревъ и др. растерялись, когда вышла кни-
га. Эта группа лицъ, интересовавшаяся въ произведеніяхъ Гого-
ля вопросами національными и религіозными, была поражена
тѣми опредѣленными категорическими взглядами, которія выска-
залъ Гоголь въ "Выбранныхъ мѣстахъ". Повидимому, Гоголь, не
высказывавшійся въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, теперь
вылился въ категорическомъ учительномъ тонѣ, и это и пред-
ставилось, какъ нѣчто новое, или какъ доведенное до крайно-
сти прежнее направленіе.

Мы знаемъ, что "Выбранныя мѣста" были послѣдовательнымъ
развитіемъ міросозерцанія Гоголя; мы видимъ въ письмахъ ис-
каніе выхода изъ прежнихъ, неудовлетворявшихъ его теперь
положеній, усиленіе доктринерскаго тона; Гоголь старается
даже не говорить о матеріальныхъ предметахъ, о семейныхъ дѣ-
лахъ, а все трактуетъ съ высшей этической точки зрѣнія: все
должно вести человѣка къ нравственному совершенству, къ
оправданію високаго назначенія человѣка. Это высокое назначе-
ніе самому Гоголю рисуется недостаточно опредѣленными черта-
ми, и онъ старается найти его изъ чтенія Священнаго Писанія,
богослужебныхъ книгъ и т. п. Въ результатѣ Гоголь приходитъ
къ идеѣ, что все совершающееся въ мірѣ можетъ быть дурно или
хорошо, если къ нему подойти съ тѣяки зрѣнія Божественнаго

Промысла: исполнение воли Бога должно быть цѣлью человеческой жизни, для раскрытія же этой воли надо присматриваться къ окружающему, пользуясь указаніями христіанской /право-славной/ религіи. И нечувствительно для себя Гоголь подходит къ православію и внѣшнимъ учрежденіямъ православной церкви, которыя онъ считаетъ непреложными.

Выставляя основой христіанства милость къ ближнимъ, покорность волѣ Бога, вѣру, что все совершается по Его волѣ, Гоголь постепенно переходитъ къ оправданію существующаго строя и здѣсь онъ подходитъ и къ взгляду Карамзина, что крѣпостное право есть институтъ хорошей или дурной, смотря по тому какъ онъ примѣняется, такъ какъ въ немъ есть власть, которая вообще является благой, какъ установленная самимъ Богомъ. Этимъ религіознымъ настроеніемъ объясняется и сближеніе Гоголя съ Жуковскимъ тоже, какъ извѣстно, увлекавшимся до мистицизма религіозной идеей православной церкви. Впрочемъ Гоголь перенесъ мучительную борьбу, прежде чѣмъ подошелъ къ такимъ крайнимъ выводамъ, что мы можемъ видѣть изъ переписки его съ священникомъ Матвѣемъ Константиновскимъ и Хомяковымъ, переписки, однако, въ пѣломъ намъ недоступной. Отецъ Матвѣй Константиновскій былъ человекъ въ значительной степени патологическій, представлявшій себѣ религію только въ православной христіанской формѣ, въ которой онъ считалъ одинаково важными и содержаніе и внѣшнее выраженіе, и съ этой точки зрѣнія отъ былъ натурой цѣльной, но

натурой прямолинейной, рѣзкой, грубой. Гоголю же эта цѣльность казалась результатом примиренія между настроеніемъ чловѣка вообще и чловѣка христіанина, чѣмъ и объясняется сильное вліяніе на Гоголя о. Матвѣя. Но Константиновскій былъ слишкомъ односторонній чловѣкъ, догматически убѣжденный въ истинности своихъ взглядовъ, и Гоголь вѣрилъ ему, чувствуя въ самомъ себѣ недостатокъ непосредственной вѣры, такъ что о. Матвѣя можно до известной степени назвать "злымъ гениемъ" Гоголя. Онъ ничего не далъ Гоголю новаго въ его исканіяхъ и развѣ способствовалъ убѣжденію Гоголя, что все въ православіи необходимо, т. е. скорѣе двинулъ его на путь "Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями".

Такимъ образомъ, зная исторію созданія этого произведенія, мы видимъ, что оно есть личное дѣло Гоголя, но будучи напечатано для общества не удовлетворило почти никого: лишь такіе люди какъ Аскоченскій, Федоръ Бухаревъ старались употребить авторитетъ Гоголя для подтвержденія своихъ далеко не передовыхъ, не гуманныхъ мыслей. Тѣ же, кто считалъ Гоголя близкимъ себѣ, именно руссофилы, никакъ не думали, что въ стремленіи оправдать существующее, какъ имъ хотѣлось, можно дойти до такихъ Геркулесовыхъ столповъ. Гоголь сталъ противъ такихъ людей, какъ Погодинъ, Аксаковы и другіе, и онъ самъ понималъ, что онъ не былъ никогда ихъ единомышленникомъ, что онъ высказалъ въ письмѣ къ Шевыреву /11 февр. 1847 г./ и въ слѣдующей характерной надписи на экземплярѣ "Выбранныхъ

посланномъ Погодину:

мѣсть" "Неопратному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примѣчающему, наносящему на всякомъ шагу оскорбленія другимъ и того невидящему, сомѣ невѣрному, близорукимъ и грубымъ аршиномъ мѣряющему людей, дарить сію кошку въ вѣчное поминовеніе грѣховъ его человекъ такъ же грѣшнѣйшій, какъ и онъ, и во многомъ еще неопратнѣйшей его самого". Такимъ образомъ, Гоголь счелъ себя въ правѣ учить Погодина, осудивъ такъ жестоко и сплеча весь ^{его} нравственный обликъ, его всего; ставши въ опѣнкѣ людей на свою исключительно этическую точку зрѣнія, Гоголь закрылъ глаза на всю реальную обстановку русской жизни и сталъ "своимъ аршиномъ" мѣрить людей. Шевыревъ прямо растерялся при выходѣ въ свѣтъ "Выбранныхъ мѣсть". Наконецъ, ближе другихъ знавшій Гоголя С. Аксаковъ и тотъ, прочитавъ "Выбранныя мѣста", разрѣшился порицаніями за нихъ Гоголя, рѣшилъ, что Гоголь для литературы погибъ и проч.

Если такъ поразило это произведение людей консервативныхъ, то легко судить, какъ отнеслись къ нему представители прогрессивнаго направленія. Они увидѣли, что Гоголь измѣнилъ круто своему прежнему направленію, дававшему ему въ ихъ глазахъ, огромное общественное значеніе /что и правда/: вмѣсто обличенія людской пошлости, русскихъ порядковъ - примиреніе, признаніе ихъ, какъ данныхъ волею Бога, проповѣдь квіетизма и т.д. Этимъ объясняется извѣстное письмо Бѣлинскаго, ходившее тогда по рукамъ. Для Бѣлинскаго, высоко цѣнившаго Го-

голя и опредѣлившаго значеніе его и его произведеній перваго и втораго періода, Гоголь всегда представлялся чловѣкомъ прогрессивнымъ, и ни для кого не была такъ рѣзка разница между прежней его дѣятельностью, какъ сатирика, съ дѣятельностью, какъ моралиста. Письмо Бѣлинскаго должно было сильно подѣйствовать на Гоголя, но онъ зашелъ уже такъ далеко, убѣдился настолько, что онъ въ силу своего міросозерцанія долженъ пренебречь и выставить на первое мѣсто смиреніе и всепрощеніе, что Гоголь не сталъ полемизировать.

Такимъ образомъ ясно, что "Выбранныя мѣста", какъ произведеніе личное, были по своему поняты каждой стороною, но всѣ сходились въ томъ, что міросозерцаніе построенное на условныхъ началахъ всеобщей этики, подкрѣпляемое якобы ученіемъ православной церкви, въ истолкованіи Гоголя, не заключаетъ никакой доли прогресса, бывшей хотя бы въ самой минимальной дозѣ и у консервативной группы.

Резюмируя все сказанное, можно повторить, что, хотя Гоголь не примыкалъ ни къ одной изъ общественныхъ партій, увидя въ самого себя теперь, приучая себя не интересоваться окружающимъ, произвенія его предшествующаго времени заключали столько общественныхъ элементовъ, что, несмотря на отрицательное отношеніе его къ совершавшейся идейной борьбѣ въ обществѣ, на его желаніе уйти отъ нея, они получали отраженіе въ каждомъ изъ отдѣльныхъ теченій русской общественной мысли.

ЛЕКЦІЯ IX- АЯ.

Теперь мы обратимся къ обзору дѣятельности одного изъ крупнѣйшихъ западниковъ, Бѣлинскаго. На немъ можно до извѣстной степени отчетливо прослѣдить постепенную выработку круга идей, міросозерцанія лицъ, стоявшихъ во главѣ западнаго теченія. Въ біографіи Бѣлинскаго прежде всего обращаетъ вниманіе его происхожденіе: онъ изъ разночинцевъ.

До сихъ поръ главными представителями культурныхъ элементовъ были дворяне, которымъ искони въ силу матеріальныхъ преимуществъ образованіе было болѣе доступно, и они постоянно шли дальше въ завоеваніи особаго правового положенія, что завершилось, какъ извѣстно, указомъ Петра III, освободившимъ дворянъ отъ обязательной службы, оставивъ имъ право владѣнія землей, крестьянами и самоуправленіе. Понятно, что дворянство должно было быть передовымъ сословіемъ, и до 1825 г. дворяне составляли большую часть русскаго передоваго общества: пробѣгая исторію литературы до 30-хъ г.г. XIX вѣка, мы видимъ, что почти всѣ представители литературы и общественной дѣятельности изъ дворянъ.

Разгромъ 14 декабря оказалъ большое вліяніе на судьбу дворянства въ этомъ отношеніи, потому что наиболѣе культурные и прогрессивные люди, какъ и ихъ потомство, лишились своихъ правъ, а затѣмъ прогрессивное дворянство въ глазахъ правительства въ значительной степени утратило свой кредитъ. Въ

то же время уже съ Екатерининскихъ временъ замѣчается стремленіе другихъ сословій къ приобрѣтенію государственныхъ правъ путемъ поднятія матерьяльнаго благосостоянія, и въ Александровскую эпоху въ качествѣ помѣщиковъ являются иногда не дворяне. Надо признать, что съ конца 20-хъ и 30-хъ г.г. дворянство начинаетъ клониться къ упадку, находя себѣ конкурентовъ въ другихъ классахъ общества и процессъ этотъ долженъ быть учтенъ для пониманія общаго хода нашего общественнаго развитія и литературы.

Именно въ 30-хъ г.г. литература начинаетъ мало-по-малу становиться удѣломъ разночинца, что было даже отмѣчено современниками, привыкшими считать литературу привилегіей дворянскаго класса. Демократизація литературы, уходъ ея изъ дворянскихъ профессій съ этихъ поръ идетъ прогрессирующимъ образомъ, дворянство же все болѣе и болѣе втягивается въ ряды бюрократіи. Поэтому происхожденіе Бѣлинскаго не изъ дворянской среды и господствующее положеніе въ нашей литературѣ, которое онъ занялъ, есть одинъ изъ симптомовъ завоеванія мѣста въ общественной дѣятельности разночинцемъ. Бѣлинскій былъ западникомъ, и слѣдуетъ отмѣтить то любопытное явленіе, что въ то время какъ среди славянофиловъ почти нѣтъ разночинцевъ, не дворянъ, въ рядахъ западниковъ они преобладаютъ и играютъ главную роль. Исключительное положеніе, какое занялъ Бѣлинскій среди западниковъ, надо объяснять, конечно, его личнымъ талантомъ, тѣмъ болѣе, что онъ не получилъ систематическаго

образования.

Сынъ лѣкаря въ маленькомъ заштатномъ городкѣ Пензенской губерніи онъ учился на мѣдныя деньги въ Пензенской гимназіи, гдѣ онъ принадлежалъ къ выдающимся ученикамъ. По окончаніи гимназіи Бѣлинскій попалъ въ Московскій Университетъ, который его очень мало удовлетворялъ: это было какъ разъ время застоя паденія университета. И чуткій къ воспріятію того, что совершалось въ обществѣ, Бѣлинскій, занимаясь въ университетѣ довольно небрежно, вскорѣ является членомъ одного изъ кружковъ, существовавшихъ рядомъ съ университетомъ и восполнявшихъ то, чего не могъ дать университетъ. И въ этомъ кружкѣ, именно кружкѣ Станкевича, Бѣлинскій и получилъ свое образование, такъ какъ онъ былъ исключенъ изъ университета за свое либеральное настроеніе, которое стало извѣстнымъ чиновничьему начальству университета, такъ какъ въ это время ходила по рукамъ драма Бѣлинскаго: "Дмитрій Калининъ". Въ кружкѣ Станкевича Бѣлинскій первоначально былъ ученикомъ, усваивалъ основы образования, тѣмъ болѣе, что первоисточникъ ученія западниковъ, нѣмецкая философія, не былъ доступенъ Бѣлинскому, который явился въ Москву не зная ни одного иностраннаго языка, а въ русскомъ переводѣ было извѣстно очень немногое въ трудахъ Павлова и Галича, и труды ихъ въ значительной степени устарѣли къ тому времени, когда отъ Шеллинга черезъ переходную

ступень системы Оккена начиналось развитие гегелизма.

Такимъ образомъ Бѣлинскому въ научной философіи много бы
ло, ^{не} понятно, онъ долженъ былъ все усваивать изъ вторыхъ рукъ,
и этимъ объясняется тотъ фактъ, который единогласно передаетъ
намъ всѣ воспоминаія о немъ за этотъ періодъ, именно, что
онъ былъ съ одной стороны самый дѣятельный членъ кружка, съ
другой постоянный и горячій спорщикъ, уступавшій только Гер-
цену и Хомякову въ искусствѣ краснорѣчія, тотъ "неистовый
Виссаріонъ", какъ его называли тогда. Конечно, всѣ его споры
были результатомъ критическаго склада ума, желанія уяснить
себѣ возможно больше отъ своихъ болѣе образованныхъ и начи-
танныхъ собесѣдниковъ, и благодаря этому Бѣлинскій возмѣстилъ
недостатки своего образованія; кружокъ Станкевича надо счи-
тать настоящей школой, изъ которой вышелъ Бѣлинскій. Слѣдова-
тельно, первый выводъ, который мы получаемъ изъ біографіи Бѣ-
линскаго, тотъ, что онъ цѣликомъ выученикъ того порядка идей,
который былъ у западниковъ, но, такъ какъ въ кружки занима-
лись идеями общаго характера, спеціально литературное обра-
зованіе Бѣлинскій изъ него получить въ такой степени, какъ
философское не могъ. И онъ проходитъ ту дорогу, которой шли
всѣ другіе писатели: онъ начинаетъ съ романтическаго направ-
ленія, ставшаго нормой для всякаго писателя средней руки.

Этотъ романтизмъ, культивировавшійся въ русской литерату-
рѣ, былъ романтизмъ упрощенный, въ которомъ звучали протесту-
ющія ноты, появившіяся на западѣ еще въ XVIII вѣкѣ, и вопросы

о личности, объ отношеніи ея къ обществу трактовался не такъ широко, какъ въ современномъ романтизмѣ 30-хъ г.г. въ Германіи. Эти вопросы о свободѣ личности, о взаимоотношеніи ея съ обществомъ для Бѣлинскаго были новы, интересны, и, приступая къ литературной дѣятельности, онъ спѣшилъ устано-
вить взгляды на это. Немногія письма и свидѣтельства показы-
ваютъ, что Бѣлинскій въ это время былъ поклонникомъ нѣмец-
кихъ романтиковъ, изъ которыхъ для него идеаломъ являлся Шиллеръ.

Первая и единственная попытка Бѣлинскаго, въ литератур-
но-художественной формѣ разрабатывать мучившіе его вопросы,
драма: "Дмитрій Калининъ", разрѣшала ихъ въ формѣ стараго
протестующаго романтизма, въ духѣ "Разбойниковъ" Шиллера.
Самая композиція драмы представляется очень несовершенной и
шаблонной, и Бѣлинскій никогда не вспоминалъ объ этомъ сво-
емъ произведеніи, но развитіе сюжета показываетъ, что авторъ
подъ вліяніемъ философскихъ воззрѣній старается въ романти-
ческое содержаніе внести интересы общественнаго публицисти-
ческаго характера. Герой драмы, Калининъ, есть незаконный
сынъ помѣщика, воспитывающійся при жизни отца, какъ его сынъ;
когда же умираетъ старый помѣщикъ, хозяиномъ имѣнія стано-
вится настоящій его сынъ, другъ дѣтства Калинина. Теперь Ка-
лининъ изъ положенія свободно воспитаннаго человѣка попадаетъ
въ разрядъ безправныхъ крѣпостныхъ, такъ какъ молодой помѣ-
щикъ является соперникомъ его на любовной почвѣ. Калининъ

сознаетъ, что это мечь со стороны его друга за предпочтеніе его героиней драмы, и не может примириться съ этимъ; онъ чувствуетъ всю ненормальность общественнаго порядка, благодаря которому онъ оказывается въ такомъ положеніи, и мысль о противорѣчій между значеніемъ личности человѣка, какъ человѣка, и положеніемъ, занимаемымъ имъ въ русскомъ обществѣ, мысль о противорѣчій между людьми, обладающими правами и безправными рѣзко проходить всю драму, которая заканчивается самоубійствомъ Калинина.

Такая тема, хотя можетъ быть названа романтической, все-таки опиралась на идейные интересы общества конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ. И поэтому, несмотря на то, что съ литературно-художественной точки зрѣнія драма являлась произведеніемъ совершенно зауряднымъ, начальство Московскаго Университета, провѣдавъ про нее, въ виду важности затронутой темы сочло нужнымъ уволить Бѣлинскаго. Бѣлинскій, конечно, ничего не проигралъ отъ этого, и если не получилъ права на государственную службу и опредѣленнаго мѣста въ табели о рангахъ, это дало ему возможность выработать себя въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, въ которыхъ онъ началъ свою дѣятельность.

Послѣ пребыванія въ кружкѣ Станкевича Бѣлинскій, испытывая матерьяльную нужду, пристроился къ "Телескопу", гдѣ помѣстилъ свое первое критическое произведеніе: "Литературныя мечтанія". Произведеніе это очень далеко отъ позднѣйшихъ воззрѣній Бѣлинскаго, хотя зачатки ихъ видны отчасти и здѣсь.

Обыкновенно указывали /не исключая даже Пыпина/ на зависимость "Литературныхъ мечтаній" отъ статьи Надеждина о сущности русской литературы, и какъ будто, правда, оба даютъ одинаковое рѣшеніе этого вопроса: Надеждинъ указывалъ, что наша литература только зачинается, такъ какъ ей необходимъ элементъ народности, который только Пушкинымъ внесенъ въ литературу. Бѣлинскій высказываетъ по виду сходные взгляды, отрицая нашу древнюю литературу. Разница заключается въ томъ, что для Бѣлинскаго на первомъ мѣстѣ стоитъ не національное самосознаніе, а центръ тяжести перенесенъ на общечеловѣческую идею литературы, что, конечно, стоитъ въ связи съ убѣжденіями, господствовавшими въ кружкѣ Станкевича.

Бѣлинскій требуетъ, чтобы литература была выраженіемъ общечеловѣческаго склада идей, выражала бы челоѣка, и здѣсь Бѣлинскій сближается съ Одоевскимъ, что понятно, такъ какъ Бѣлинскій былъ ранній гегеліанецъ, т.е. имѣлъ много общаго съ шеллингизмомъ. Идея, по его мнѣнію, является тѣмъ двигателемъ, безъ котораго невозможенъ прогрессъ, и въ жизни челоѣка эта идея прогресса составляетъ существенное значеніе; гдѣ нѣтъ ея, тамъ и не можетъ быть литературнаго произведенія. Идея прогресса въ то же время есть идея прекраснаго, которое не есть что-либо самоудовлѣющее, но неотъемлемо входитъ въ общечеловѣческую идею. И художественное произведеніе, осуществляющее идею прекраснаго, есть также общечеловѣческое, поэтому всякое литературное произведеніе должно быть оцѣнено:

ваемо, поскольку оно выражает эту идею. Обращаясь къ русской литературѣ и примѣняя такого рода оцѣнку, Бѣлинскій приходитъ къ тому выводу, что русская литература еще не дошла до сознанія той связи, которая устанавливается между идеей прекраснаго и общественнымъ значеніемъ произведенія, такъ что если не считать Пушкина, литература наша не нашла своего настоящаго выраженія.

Послѣ закрытія "Телескопа" Бѣлинскій замолкаетъ на нѣкоторое время; онъ прѣбавляется мелкими рецензіями и лишь въ своихъ ежегодныхъ отчетахъ о состояніи литературы доходитъ до болѣе широкихъ обобщеній. Такіе ежегодные новогодніе отчеты писались и раньше, напр., въ "Сѣверныхъ Двѣтахъ" Дельвига, но Бѣлинскій дѣлаетъ изъ нихъ нѣчто иное, стараясь дать въ нихъ указаніе читателю не только на то, что было сдѣлано въ литературѣ, но что еще надо сдѣлать. Эти отчеты даютъ намъ главныя основанія для характеристики развитія міросозерцанія Бѣлинскаго. Особенно интересенъ отчетъ 1843 г. въ которомъ мы наблюдаемъ значительное измѣненіе литературныхъ взглядовъ Бѣлинскаго.

Въ 1843 году у Бѣлинскаго нѣтъ и тѣни увлеченія романтизмомъ, наоборотъ къ старому романтизму, который былъ еще живъ въ русской литературѣ, онъ относится отрицательно, видя въ немъ культъ отдѣльной личности; прежнее увлеченіе Шиллеромъ смѣняется даже отрицательнымъ отношеніемъ, потому что воззрѣнія Шиллера, въ глазахъ Бѣлинскаго, не имѣютъ настоящаго

общественнаго значенія, культъ свободной личности направлень на нее же, а не на общество. Мы видимъ, что отъ служенія идеѣ прекраснаго Бѣлинскій переходитъ къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній съ общественной точки зрѣнія. Относительно такого измѣненія взглядовъ Бѣлинскаго существуетъ рядъ мнѣній, причемъ одни указываютъ, что это есть отказъ отъ прежнихъ воззрѣній, совершенный переломъ, другіе считаютъ, что перелома не было и что новое исповѣданіе Бѣлинскаго есть естественная эволюція его прежнихъ взглядовъ. Надо думать, что послѣднее мнѣніе болѣе правильно, и опорой ему служить изученіе личной психологіи Бѣлинскаго. Черты, особенно характерныя для него, есть непосредственность чувства, скептическій складъ и самоанализъ; поэтому всякій новый матерьялъ заставлялъ его честно и искренно отнестись къ дѣлу созданія и смѣны мнѣній

Можно считать вообще, что Бѣлинскій, скончавшійся въ 1848 г. въ самомъ разгарѣ работы, никогда не доходилъ до окончательной формулировки своего міросозерпанія; эволюція его не кончилась, и горячо реагировавшій на все окружающее Бѣлинскій не могъ установиться. Этимъ объясняется и то значеніе Бѣлинскаго въ послѣдующей исторіи критики; какъ импульса, отъ котораго идутъ дальнѣйшіе дѣятели, разработывавшіе отдѣльныя темы, затронутыя Бѣлинскимъ, какъ Добролюбовъ, Чернышевскій и др. Не вдаваясь въ подробности, попробуемъ указать главные элементы, необходимыя для пониманія Бѣлинскаго и во-

обще западныхъ воззрѣній.

Начавъ съ романтизма, Бѣлинскій переходитъ къ изученію идеи прекраснаго въ литературѣ и жизни общества. Понимая сначала идею прекраснаго, какъ довлѣющую самой себѣ, Бѣлинскій переходитъ къ указанію роли прекраснаго въ жизни. Но перенесъ центръ тяжести на явленія общественнаго характера, т.е. грубо выражаясь, указавъ на служебную роль литературы, онъ обратился къ общечеловѣческой идеѣ, для чего уже оказалось недостаточнымъ анализа художественной идеи произведенія: отъ оцѣнки съ эстетической точки зрѣнія надо обращаться къ оцѣнкѣ съ исторической, отыскивая въ прошломъ отвѣтъ на возникновеніе той или иной идеи. Для Бѣлинскаго литература есть результатъ взаимодействія законовъ эстетическихъ и соціально-историческихъ, и этимъ объясняется взглядъ его на главныя идеи русской литературы, высказанный имъ при критическомъ разборѣ всѣхъ произведеній Пушкина. Статьи эти вышли въ 1844г. когда вышло первое посмертное изданіе сочиненій Пушкина, явленіе, конечно, не прошедшее незамѣченнѣмъ, и Бѣлинскій постарался опредѣлить значеніе Пушкина и въ литературѣ, и въ жизни. Бѣлинскій, оставивъ свою прежнюю оцѣнку произведеній литературы съ эстетической точки зрѣнія, взглянулъ шире на дѣло, и общественное значеніе Пушкина стало ясно ему, когда онъ оцѣнилъ его историческое значеніе.

Въ рядѣ своихъ статей о Пушкинѣ Бѣлинскій начинаетъ съ заявленія, что русская литература начинается для него только

съ Петровскаго времени; всю же древнюю русскую литературу, которую, кстати сказать, онъ зналъ совсѣмъ неважно, Бѣлинскій отрицаетъ, т.к. она рисуется ему не служительницей прогресса, какъ церковная, односторонняя, какъ не выражающая настроенія общества. Такъ же отрицательно относится Бѣлинскій и къ народной литературѣ, потому что, какъ онъ полагаетъ, литература, выражающая художественно идею прекраснаго, можетъ появиться тогда лишь, когда идея прекраснаго будетъ доступна и обществу, и это настанетъ только, когда русская литература выступитъ на путь зап. европейской. Поэтому Бѣлинскій начинаетъ обзоръ русской литературы съ первыхъ поръ ея сознательности; первымъ писателемъ въ этомъ отношеніи является Кантемиръ, и, слѣдуя шагъ за шагомъ за дальнѣйшей исторіей литературы, онъ выясняетъ основныя черты литературы XVIII-го вѣка, затѣмъ то, что связываетъ Пушкина съ этой литературой и что онъ внесъ въ нее новаго.

ЛЕКЦІЯ X-АЯ.

Съ тѣмъ, чтобы подойти къ Пушкину, Бѣлинскій пересматриваетъ весь матерьялъ въ историческомъ порядкѣ и представляетъ себѣ исторію литературы, какъ постепенное накопленіе новыхъ идей, выражающееся и во внѣшнемъ ростѣ литературы, и въ ростѣ ея внутренняго содержанія. Изъ отдѣльных писателей онъ останавливается и интересуется тѣми, которые по-

казываютъ постоянное возрастаніе опредѣленныхъ теченій въ русской литературѣ, именно художественнаго реализма и національнаго элемента. Для Бѣлинскаго необходимо подложить историческій фундаментъ подъ основныя черты литературной дѣятельности Пушкина, и поэтому къ его работѣ нельзя предъявлять требованія всесторонности изслѣдованія: изложеніе исторіи литературы для него является средствомъ уяснить заранѣе поставленные тезисы относительно Пушкина. Исъ этой точки зрѣнія Бѣлинскій оцѣниваетъ явленія литературы XVIII в., для которой наиболѣе характерно западное вліяніе; это вліяніе, по мнѣнію Бѣлинскаго, будило наше общественное самосознаніе и выразилось внѣшнимъ образомъ въ постепенномъ развитіи реализма въ нашей литературѣ. Слѣдовательно, Бѣлинскій ставитъ исторію реализма въ литературѣ, главой котораго является Пушкинъ, въ связь съ западнымъ вліяніемъ, и сюда примыкаетъ также элементъ націоналистическій, потому что характеризуя реальную обстановку, писатель выражаетъ именно ту, которая является для него національной.

Затѣмъ Бѣлинскій подходитъ къ выясненію общественнаго значенія литературы и доказываетъ, что ко времени Пушкина послѣдняя дошла до сознанія своего общественнаго значенія и что вообще литература безъ такового не можетъ и быть названа литературой. Установивъ эти основныя положенія, Бѣлинскій пробуетъ примѣнить ихъ къ Пушкину и въ концѣ концовъ видитъ въ немъ завершеніе стремленія литературы къ художественному

реализму, народности, а также совершенно ясную постановку общественного значенія литературы. Но если литература есть явленіе общественное, служеніе) обществу, то является вопросъ о соотношеніи между общественными и индивидуальными стремленіями писателя. И потому Пушкина можно разсматривать и какъ поэта общественнаго, и какъ личнаго, писавшаго и для себя.

Общественный элементъ въ поэзіи играетъ громадную роль: гениальная натура писателя угадываетъ, что нужно обществу, но у того же Пушкина въ разсужденіяхъ его о поэзіи и поэтѣ виденъ сильный личный элементъ, такъ какъ поэзія для него была удовлетвореніемъ личныхъ стремленій и направлялась не только на общественныя явленія, но и на его внутренній міръ. Если бы у Пушкина не было отведено такого мѣста личному элементу, значеніе его было бы, по мнѣнію Бѣлинскаго гораздо больше, и онъ былъ бы величайшимъ поэтомъ, если бы доросъ до полнаго пониманія литературы, какъ служенія обществу. Различая въ дѣятельности Пушкина эти двѣ стороны, Бѣлинскій пришелъ къ выводу, что Пушкинъ не является еще кульминаціонной точкой нашей литературы, какъ онъ хотѣлъ сначала его представить.

Пытаясь объяснить себѣ такой выводъ, Бѣлинскій ставитъ вопросъ, почему Пушкинъ не былъ полнымъ завершеніемъ литературныхъ стремленій, и отгадку видитъ опять въ его взглядахъ. Пушкинъ, какъ личный поэтъ, былъ служителемъ идеи прекраснаго, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на довлѣющее са-

мо себѣ, т.е. онъ носилъ въ себѣ принципъ служенія искусству для искусства, и вотъ почему, несмотря на свой геній, не далъ литературѣ нашей исполнить свое назначеніе вполне.

Въ отношеніи національности литературы Бѣлинскій также нѣсколько ограничиваетъ дѣятельность Пушкина: освѣщеніе русской дѣйствительно^{сти} съ точки зрѣнія служенія чистому искусству мѣшало Пушкину охватить ее во всей полнотѣ, и, онъ не отразилъ какъ разъ въ своихъ произведеніяхъ той стороны русской дѣйствительности, которую позже выразилъ Гоголь.

Такіе выводы и взгляды Бѣлинскаго о Пушкинѣ послужили исходнымъ пунктомъ для опредѣленія значенія послѣдняго въ дальнейшей критикѣ, и, чѣмъ выше росла мысль Бѣлинскаго объ общественномъ значеніи литературы, отношеніе къ Пушкину со стороны критиковъ становилось все строже; ему все болѣе ставили въ вину служеніе чистому искусству, находили у него такія черты, которыхъ никогда не было. Завершеніемъ этой теоріи были взгляды Писарева, въ связи съ тѣми утилитарно-соціалистическими ученіями, которыя играли такую видную роль у насъ въ 50-60-хъ годахъ. Писаревъ объявилъ себя врагомъ чистаго искусства, потому что оно является непригоднымъ для построенія міросозерданія съ широкой демократизаціей идеи и, переворачивая выводы Бѣлинскаго, онъ считалъ наиболѣе характернымъ для Пушкина поэзію личнаго свойства; не обращая вниманія на общественное значеніе Пушкина, указанное Бѣлинскимъ, Писаревъ свелъ на нѣтъ всю дѣятельность поэта, результатомъ

чего явился выводъ, что Пушкинъ - ловкій версификаторъ, и составляетъ печальное явленіе въ литературѣ. Такимъ образомъ выводы Бѣлинскаго, благодаря тенденціямъ общества, достигли такой крайности, которой онъ вовсе не имѣлъ въ виду. Лишь когда прошло скептическое настроеніе общества, взгляды Бѣлинскаго были реабилитированы.

Наиболѣе цѣннымъ въ нихъ является уголъ зрѣнія на Пушкина; который со времени Бѣлинскаго сталъ предметомъ историческаго изученія и съ тѣхъ поръ изучается въ этомъ направленіи въ исторіи русской литературы; затѣмъ Бѣлинскій установилъ важный принципъ изученія явленій литературы въ связи съ общимъ ходомъ развитія идей. Кромѣ того Бѣлинскій, эстетикъ по убѣжденію, нашелъ въ себѣ достаточно силы и знанія, чтобы дать истинное мѣсто этой эстетикѣ въ оцѣнкѣ историко-литературныхъ явленій; стараясь поставить ее во взаимоотношеніе съ общественнымъ элементомъ. Правда, теперь мы, не отрицая художественной стороны литературы и опредѣляя ея значеніе, рисуемъ ее съ точки зрѣнія эстетики времени созданія литературнаго произведенія. Бѣлинскій въ этомъ случаѣ, если недостаточно ясно представлялъ себѣ это, ошибки не дѣлалъ: эстетика его времени была близка къ эстетикѣ времени Пушкина, идеи чистаго искусства циркулировали во время того и другого. Наконецъ, Бѣлинскій былъ первымъ лицомъ, давшимъ общее историческое представленіе о литературѣ XVIII в. и, хотя оно является нѣсколько одностороннимъ и неполнымъ, самый принципъ

изученія исторіи литературы былъ установленъ. До Бѣлинскаго были лишь зачатки подобныхъ воззрѣній въ трудахъ Надеждина и Полевого, но оба исторію литературы дѣлали орудіемъ для проведенія своихъ цѣлей: у Надеждина она служитъ для доказательства его тезиса, что до Пушкина у насъ не было литературы, Полевой, романтикъ, также искалъ подтвержденіе справедливости своихъ взглядовъ на литературу въ ея исторіи.

Работа Бѣлинскаго выдвинула еще новыя задачи критики и положила конецъ предшествующимъ критическимъ оцѣнкамъ литературныхъ произведеній, которыя совершались по установленнымъ правиламъ до начала XIX вѣка, а въ началѣ его хотя на писателя стали уже смотрѣть, какъ на индивидуальное явленіе, критики въ свою очередь, имѣя дѣло съ личнымъ произведеніемъ, высказывали свои личныя убѣжденія, руководясь готовыми апріорными теоріями старой эстетики, либо личнымъ вкусомъ. У Бѣлинскаго его личныя взгляды въ этомъ смыслѣ не видно: онъ оцѣниваетъ литературныя явленія объективно, анализируетъ ихъ, и мы знаемъ, что у него былъ личный взглядъ только относительно общественнаго значенія литературы: это результатъ его пониманія общихъ законовъ и условій развитія литературы. Можно еще добавить, что Бѣлинскій былъ первымъ, кто внесъ въ изученіе литературы вопросъ о реализмѣ въ связи съ вопросомъ о народности, и онъ полагалъ, что народность есть одинъ изъ видовъ реализма.

Установленіе правильнаго воззрѣнія на изученіе нашей лите-

ратуры, на опредѣленіе ея значенія было очень важно въ то время исканія новыхъ устоевъ, и Бѣляскій въ значительной степени подготовилъ критическіе взгляды 50-хъ-60-хъ годовъ: безъ него немислимы были бы Добролюбовъ, Писаревъ, Чернышевскій, развивавшіе все то, что въ зачаткахъ было у Бѣлинскаго: общественную роль литературы, общественное значеніе писателя и т.п. Воззрѣнія Бѣлинскаго, несомнѣнно, примыкали къ западническимъ теоріямъ: мысли объ общественномъ значеніи литературы проповѣдуетъ гегелианская философія /въ научной русской мысли ея представителемъ былъ Грановскій/. Тяготѣніе Бѣлинскаго къ общественнымъ, социальнымъ вопросамъ отбѣнка литературныхъ явленій съ точки зрѣнія общественнаго служенія литературы также связываетъ его съ западниками, не даромъ вскорѣ онъ явился сторонникомъ тѣхъ социальныхъ взглядовъ, которые циркулировали у насъ въ 40-хъ годахъ подъ вліяніемъ идей Фурье. Вообще Бѣлинскій прошелъ школу западничества во всѣхъ ея стадіяхъ; начавъ съ романтизма, служенія чистому искусству, онъ перешелъ къ опредѣленію общественной роли искусства, установилъ принципъ служенія искусства обществу, и мы должны согласиться съ тѣмъ утвержденіемъ, что у него было вѣчное исканіе той всеобъемлющей точки зрѣнія, которая могла бы дать освѣщеніе настоящему моменту.

Въ лицѣ Бѣлинскаго мы имѣемъ западника съ широкимъ общественнымъ значеніемъ, для котораго само существованіе было невозможно безъ участія въ выработкѣ міросозерцанія про-

грессивной части общества; Бѣлинскій изслѣдовалъ, главнымъ образомъ, явленія литературы, но были и другіе западники, обращавшіеся къ изученію научному жизненныхъ явленій, и однимъ изъ такихъ лицъ является замѣчательный по своимъ личнымъ качествамъ человекъ, Т. Н. Грановскій, бывшій недолгое время /съ 1842-1855/ профессоромъ Московскаго Университета.

Онъ происходилъ изъ орловской помѣщичьей среды и, получивъ домашнее воспитаніе отправился учиться въ Петербургскій Университетъ, находившійся тогда въ такомъ же жалкомъ положеніи, какъ и Московскій. По окончаніи юридическаго факультета Грановскій поступилъ на службу, которая его очень тяготила: онъ былъ болѣе склоненъ къ литературно-художественнымъ занятіямъ. Въ 1837 г. онъ бросилъ службу и принялъ предложеніе министерства Уварова отправиться за границу для подготовки къ профессорскому званію по исторіи. И тѣ молодыя силы, которыя были отправлены за границу, положили начало возрожденію М. У.; среди нихъ были извѣстные потомъ профессора Крѣковъ, Кудрявцевъ и др. Грановскій сталъ изучать совершенно новую для него область: западно-европейскую исторію. Отправившись первоначально въ Берлинъ, онъ встрѣтился тамъ съ нѣкоторыми членами кружка Станкевича, пополнявшими за границей свое образованіе, въ томъ числѣ съ самимъ Станкевичемъ, Невѣровымъ, гегелианцемъ въ общественной дѣятельности: будучи потомъ педагогомъ въ

Москвѣ, онъ проводилъ въ школѣ философскія идеи, съ Тур-
геньевымъ и другими. Грановскій, какъ **спеціалистъ** исто-
рикъ, занимался у разныхъ нѣмецкихъ профессоровъ, которые
въ то время поголовно были **представителями** новаго понима-
нія исторіи; такими профессорами были Савиньи, Риттеръ,
Нибуръ и Ранке, соединявшій художественное изложеніе съ
строгимъ анализомъ; онъ и послужилъ образцомъ Грановскому,
поддержалъ въ немъ **ту** художественную жилку, которая по-
томъ такъ сильно обнаружилась.

Въ 1842 году Грановскій вернулся въ Москву, гдѣ всту-
пилъ въ университетъ сначала адъюнктомъ, потомъ профессо-
ромъ; положеніе, которое Грановскій занялъ въ Москвѣ, въ
обществѣ, объясняется чертами его личности, и кругомъ его
идей. Какъ человекъ, Грановскій по отзывамъ современни-
ковъ былъ явленіемъ исключительнымъ: его умѣніе обращаться
съ людьми самыхъ различныхъ положеній, и съ учащейся мо-
лодежью, гуманный взглядъ на все окружающее дѣлали то,
что Грановскій былъ принятъ всюду, даже въ славянофиль-
скіе круги, и лишь выходка Шевырева сдѣлала невозможнымъ
дальнѣйшія отношенія Грановскаго съ консервативными кру-
гамъ. Общественное значеніе его было основано на высо-
кихъ его личныхъ качествахъ и на публичныхъ лекціяхъ по
исторіи. Университетъ, наполнившійся лицами, вернувшимися

изъ заграници, начиналъ пробуждаться къ жизни; офіціальная чиновничья наука смѣнилась новымъ научнымъ направлениемъ, съ широкимъ идейнымъ размахомъ, университетъ сталъ считать себя связаннымъ съ обществомъ, и выраженіемъ этой общественной роли явился рядъ публичныхъ лекцій, читаемыхъ профессорами, рядъ, который открылъ Грановскій. Курсъ его имѣлъ большое общественное значеніе не только потому, что онъ былъ построенъ научно и художественно, но въ немъ воплотились гуманно-идеалистическія стремленія Грановскаго, проводи^{лись} новые научные взгляды на исторію.

"На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить его убѣжденную вѣру въ прогрессъ, не фаталистическій, но дающій широкій просторъ индивидуальнымъ усиліямъ: сущность историческаго процесса — разложеніе массъ личной индивидуальной мыслью. Благодаря послѣдней сглаживается зависимость возрѣвній и жизни народа отъ непосредственныхъ народныхъ условій. Историческій процессъ, выясняемый всеобщей исторіей, есть детерминизмъ, не сковывающій личности." Въ противоположность прежнимъ историкамъ Грановскій выдвигаетъ высокое значеніе личности въ общемъ ходѣ исторіи, который слагается путемъ воздѣйствія отдѣльной индивидуальной личности на массы. Характерной чертой исторической эволюціи является развитіе творческаго духа человѣка въ связи съ условіями, въ которыхъ живетъ общество. Исторія становится, по ученію Грановскаго, созданіемъ отдѣльныхъ личностей, и этотъ

взгляды, конечно, надо признать отзвуком гегелизма; его высказывали и Вердеръ, и Савиньи. Если прогрессъ составляетъ основную черту историческаго развитія, личность, какъ факторъ прогресса, стоитъ для Грановскаго на первомъ планѣ.

Такое воззрѣніе вносило очень много новаго въ пониманіе исторіи, но изъ этого воззрѣнія вытекали и взгляды Грановскаго на современность. Если личность является факторомъ прогресса, эта личность должна обладать извѣстными нравственными качествами, имѣть высокое образованіе и гуманное отношеніе къ окружающему, и Грановскій осуществилъ идеаль такой личности въ своей жизни. Гдѣ нѣтъ прогресса, гдѣ понижается значеніе личности въ исторіи, тамъ является застой.

Примѣняя къ современности свои взгляды, Грановскій, конечно, долженъ былъ оттолкнуться отъ славянофиловъ, на первое мѣсто выдвигавшихъ массу, вселенское соборное начало понижавшихъ значеніе отдѣльной личности, а затѣмъ идеи его и необходимости гуманнаго развитія личности предполагали отрицательное отношеніе къ узко націоналистическимъ стремленіямъ славянофиловъ и особенно руссофиловъ. Отсюда ясно, что проповѣдь въ лекціяхъ индивидуальнаго начала, требованіе отъ личности широкаго гуманнаго образованія и отношенія къ окружающему, должна была вызвать возраженіе со стороны лицъ, воззрѣніе которыхъ въ корнѣ подрывалъ Грановскій. Въ немъ заподозрѣли сначала что то недоброе, лекціи его

были прерваны, и лишь ближайшія усилія Грановскаго, съсѣды его съ попечителемъ Строгоновымъ, дали ему возможность окончить курсъ.

По своей дѣятельности Грановскій имѣлъ, конечно, значеніе не только для современныхъ теченій, но и для послѣдующихъ. Въ 40-хъ годахъ общество находилось въ очень тяжеломъ положеніи, потому что режимъ и пѣлый рядъ цензурныхъ комитетовъ стѣснялъ его свободу, и оно находило выходъ въ созданіи отдѣльныхъ кружковъ, изъ которыхъ многіе получали прикровенную форму или же развивали самыя общіе взгляды. Когда же послѣ Крымской кампаніи въ правительственныхъ сферахъ стала замѣтна невозможность усиливать репрессіи и продолжать реакцію, идеи Грановскаго всплыли въ приложеніи къ окружающей дѣйствительности. Необходимость общаго гуманнаго образованія, созданія гуманной человѣческой личности всюду встрѣчается въ публицистическихъ идеяхъ 50-хъ годовъ, и Грановскій былъ такимъ образомъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя, отходясь отъ науки, дали прогрессивное направленіе послѣдующимъ поколѣніямъ.

Но далеко не безъ борьбы могли быть проведены эти идеи. Почувявъ опасность идей Грановскаго, какъ разбивавшихъ устои на которыхъ строили міросозерпаніе славянофилы и націоналисты, они рѣшили выступить противъ, и въ стѣнахъ университета началось нѣчто вродѣ ученаго диспута. Противъ увлеченія идеями Грановскаго выступилъ другой представитель

университета, человекъ западно образованный, но совершенно сложившійся представитель офіціально-націоналистическихъ воззрѣній С.П.Шевыревъ, рѣшившійся заявить на лекціяхъ, что по пути запада намъ рѣшительно нечего идти, потому что западъ трупъ, отъ котораго нечего взять. Шевыревъ объявилъ курсъ "Исторіи древней русской литературы", въ сущности же старался оправдать убѣжденія, которыя исповѣдывали представители офіціальной народности. Въ лекціяхъ его, не лишенныхъ впрочемъ интереса, видна совершенно опредѣленная тенденція выясненія преимуществъ русскаго духа передъ гнилымъ западомъ съ точки зрѣнія обшечеловѣческой. Шевыревъ указывалъ на соотвѣтствіе этого духа съ божественнымъ началомъ, рисовавшимся въ духѣ старой православной перкви.

Лекціи его, преслѣдовавшія узкую тенденціозную задачу, не могли имѣть такого значенія въ обществѣ, несмотря на его истинныя усилія. Онѣ, однако, имѣли другое значеніе. въ нихъ Шевыревъ долженъ былъ выразить свое *profession de foi*, и Грановскій писалъ по поводу обвиненія его въ этихъ лекціяхъ: "Обвиняють, что я пристрастенъ къ западу, я взялся читать часть его исторіи, я дѣлаю это съ любовью и не вижу почему бы мнѣ должно было читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ потомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается даромъ - какое же право не любить его? Если бы я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что въ нее я принесъ бы ту же любовь". Дѣйствительно, въ концѣ концовъ Гранов-

скій окончательно разошелся со славянофилами послѣ 1847 г., что было ему очень тяжело, потому что благодаря репрессіямъ того времени онъ поневолѣ долженъ былъ порвать съ тѣми изъ нихъ, идеальный строй которыхъ онъ высоко цѣнилъ, какъ Кирѣевскаго, Аксакова, Хомякова. Онъ пользовался случаемъ найти среднее примиряющее между славянофилами и западниками, чтобы спасти лучше и тѣхъ и другихъ, указать, что вѣра въ идеаль у славянофиловъ является поучительнымъ элементомъ, котораго не хватало западникамъ. И какъ славянофилы не искали повода оффициально поссориться съ Грановскимъ, имъ этого сдѣлать не удалось, потому что Грановскій былъ человекъ гуманный, настроенный идеалистически, чѣмъ и объясняется то **обязательное** воспитывающее впечатлѣніе, которое оставила личность Грановскаго въ обществѣ.

ЛЕКЦІЯ XI- АЯ.

Однимъ изъ наиболѣ видныхъ представителей западничества былъ Герценъ. А.И.Герценъ родился 25 марта 1812 г. въ московской дворянской семьѣ: онъ былъ побочный сынъ известнаго богача-помѣщика Яковлева, и дѣтство свое провелъ въ типичной дворянско-московской обстановкѣ. Поступивъ въ университетъ онъ не столько слушалъ лекціи сколько вращался въ разныхъ кружкахъ, о которыхъ мы говорили. Случайно, за знакомство съ авторомъ одного ядовитаго стихотворенія, хо-

дивлага по рукамъ, онъ былъ отправленъ въ ссылку, сначала въ Пермь, потомъ въ Вятку, откуда былъ переведенъ во Влади-миръ, гдѣ получилъ прошеніе и уѣхалъ въ Петербургъ. Но въ Петербургѣ на него очень подозрительно взглянуло 3-е отдѣле-ніе, и онъ снова былъ отправленъ въ Новгородъ, на этотъ разъ чиновникомъ, но подъ надзоромъ полиціи, по дѣламъ о недора-зумѣніяхъ между помѣщиками и крестьянами. Такъ какъ симпа-тіи Герцена были на сторонѣ послѣднихъ, онъ былъ уволенъ въ отставку, и уѣхалъ въ 1845 г. за границу, откуда болѣе не возвращался. Значеніе Герцена въ развитіи философскихъ и по-литическихъ идей въ Россіи громадно, и причины этого были съ одной стороны довольно исключительно сложившіяся условія воспитанія, съ другой стороны его личныя качества.

Обстановка, съ дѣтства окружавшая Герцена, была типичной дворянской, продуктомъ, созданнымъ нашимъ крѣпостничествомъ, но какъ вообще различныя лица реагировали различно на эту обстановку: одни подчинялись ей, другіе получали, наоборотъ, задатки протестующаго направленія, которое они потомъ вноси-ли въ жизнь, такъ и Герценъ можетъ быть причисленъ къ по-слѣднимъ. Городская жизнь Яковлева, впрочемъ, мало давала матерьяла маленькому Герцену для ознакомленія съ крѣпостнымъ бытомъ, потому что самъ Яковлевъ, большой баринъ, англоманъ и русскій вольтерьянецъ, не имѣлъ особеннаго старанія за-ниматься крестьянскимъ вопросомъ; скептикъ, презрительно относящійся къ окружающему, онъ не снисходилъ даже до вни-

манія къ крѣпостной обстановкѣ. Огромная дворня кое-какъ исполняла свои обязанности, и, несомнѣнно, извѣстныя отрицательныя стороны крѣпостного права, картины безправія и жестокости не особенно били въ глаза Герцену.

Зато тѣмъ рѣзче были для него отдѣльные подобные случаи, какъ, напр. отдача въ рекруты парней, и одинъ изъ такихъ случаевъ онъ и вспоминаетъ въ "Быломъ и думахъ": онъ увидаль однажды плачущаго рекрута и удивленный спросилъ, о чемъ тотъ плачетъ. Получивъ отвѣтъ, что новобранецъ плачетъ, такъ какъ не хочетъ идти въ солдаты, онъ очень характерно для него спросилъ: "какъ же тебя хотятъ отправить, когда ты не хочешь?" Въ общемъ Герценъ былъ балованный ребенокъ, очень впечатлительный и воспримчивый, но съ энергіей и желаніемъ поставить на своемъ. И энергія его была использована въ хорошую сторону.

Однимъ изъ учителей Герцена былъ французъ Бушо, бывшій революціонеръ, человекъ протестующаго образа мыслей и свободлюбивый: мальчикъ началъ было сближаться съ нимъ, но Бушо пересталъ охотно заниматься. Другимъ учителемъ Герцена былъ семинаристъ Протопоповъ, преподававшій словесность; между учителемъ и ученикомъ вскорѣ установились близкія отношенія, когда онъ напалъ на интересующую мальчика современную литературу: начали они заниматься по 12-ти томной хрестоматіи Карамзина, содержащей главныя произведенія ложно-классиковъ и сентименталистовъ XVIII в., но вскорѣ выяснилось, что ни то-

го, ни другого эта литература не интересуешь, и учитель перешел к изученію Пушкина и другихъ современныхъ писателей, будучи самъ большимъ поклонникомъ этой литературы.

Герценъ, забросивъ все старыя авторитеты, сталъ усердно заниматься новыми произведеніями, и такимъ образомъ это былъ первый учитель, который направилъ мальчика въ сторону передовыхъ стремленій. Когда же на мѣсто Бушо былъ приглашенъ другой учитель, опять начавшій пичкать мальчика старыми классиками, Герценъ написалъ ему статью подъ редакціей Протопопова, совершенно уничтожающую старую литературу, послѣ чего уроки сами собой прекратились. Послѣ этого Герценъ началъ готовиться въ университетъ и поступилъ на физико-математическій факультетъ, гдѣ былъ единственный человѣкъ, составлявшій душу всего тогдашняго преподаванія, шеллингистъ профессоръ Павловъ, группировавшій около себя молодежь и поддерживавшій ея прогрессивныя стремленія.

Черезъ аудиторію Павлова Герценъ познакомился и вошелъ въ кружокъ Станкевича, въ которомъ какъ разъ только начиналась дѣятельность съ изученія Оккена и отчасти Гегеля, но въ это самое время Герценъ и былъ отправленъ въ Пермь, потомъ въ Вятку. И тамъ, въ ссылкѣ, Герценъ продолжаетъ свое развитіе, которое, главнымъ образомъ, выражается въ постепенной работкѣ изъ аристократа-барченка практическаго дѣятеля.

Въ Вятку Герценъ попалъ во время губернаторства тамъ знаменитаго Тѣфаева. Этотъ человѣкъ, вышедшій изъ низшихъ клас-

совъ русскаго общества, **вѣдался** среди окружающей бюрократіи своимъ **неудержимымъ** произволомъ, не признававшимъ никакихъ законовъ, и выше всего ставилъ чиновничью власть; при Николаевскомъ режимѣ Тюфаевъ слылъ лучшимъ администраторомъ, и ему было довѣрено управленіе губерніей. Къ нему-то и попалъ Герценъ и прежде всего онъ встрѣтилъ съ его стороны полное невѣжество, презрѣніе къ наукѣ и глумленіе надъ интеллигентными людьми. Товарищемъ по ссылкѣ у Герцена былъ Витбергъ, архитекторъ /ему принадлежалъ планъ постройки Храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ/, философъ-мистикъ, старавшійся и въ жизни, и въ своихъ созданіяхъ осуществить религіозную идею поклоненія Богу духомъ и истиной. За свой мистицизмъ и смиреніе онъ былъ особенно ненавистенъ Тюфаеву, и это преслѣдованіе сблизило его съ Герценомъ. Мистикъ, исповѣдующій Евангельскую любовь, Витбергъ не имѣлъ твердости характера смѣло взглянуть въ глаза губернатору, и эту смѣлость обнаружилъ Герценъ, который высказалъ Тюфаеву, что образованіе необходимая принадлежность всякаго человѣка и бюрократа въ томъ числѣ и т.п. Тюфаевъ, никогда не слыхавшій, чтобы съ нимъ такъ разговаривали, велѣлъ прогнать Герцена съ глазъ долой, и онъ только числился у него чиновникомъ.

Все это имѣло извѣстный практическій результатъ для Герцена, увидѣвшаго разницу между реальной жизнью и идеальнымъ строемъ, который носить человѣкъ въ себѣ, и Герценъ, увлекающійся теоретическими идеями, въ то же время постепенно ста-

новился скептикомъ, стремившемся къ практическому познанію жизни и примиренію между идеями и окружающей жизнью.

Благодаря хлопотамъ родныхъ Герценъ былъ переведенъ въ Владимиръ чиновникомъ по статистикѣ, и тутъ онъ женился, увезя невѣсту тайно изъ Москвы. Во Владимирѣ Герценъ жилъ очень мирно и вскорѣ получилъ прошеніе и разрѣшеніе въѣзда въ столицу. Прежде всего онъ направился въ Москву, гдѣ опять столкнулся съ кружкомъ Станкевича. Въ это время кружокъ значительно измѣнился: всѣ выросли, выработали себѣ міросозерцаніе, и при встрѣчѣ со старыми товарищами, съ Огаревымъ, Бѣлинскимъ, Станкевичемъ у Герцена установились новыя отношенія. Къ нему всѣ относились съ большимъ уваженіемъ, какъ къ человѣку понесшему кару за свои убѣжденія, но въ то же время между нимъ и членами кружка не было единства, потому что практическое направленіе Герцена расходилось съ чисто идеалистическими построеніями членовъ кружка. Герценъ видѣлъ, что идеи исповѣдуемая кружкомъ прекрасны, но безцѣльны, какъ не получающія примѣненія въ жизни; онъ началъ доказывать необходимость реального изученія жизни, и это расхолодило отношеніе его съ кружкомъ. Даже гуманный человѣкъ Грановскій разошелся съ Герценомъ, и послѣдній убѣдился, что ему въ кружкѣ дѣлать нечего, онъ начинаетъ въ своихъ статьяхъ болѣе удѣлять мѣсто политикѣ.

Стремленіе къ ней у Герцена было давно: еще въ юности онъ, живя въ домѣ отца, считалъ политическіе вопросы необхо-

димыми, для опредѣленія правового положенія человѣка, и къ тому наталкивало его происхожденіе, о которомъ онъ до поступленія въ университетъ не зналъ, и совершенно случайно родные Яковлева открыли ему глаза. Самъ Яковлевъ состарился, жаловался на болѣзни, родные увивались около него, какъ богатаго человѣка, въ надеждѣ на наслѣдство, но для этого нужно было прежде всего оттереть такого конкурента, какъ любимый имъ незаконный сынъ, и до свѣдѣнія послѣдняго доводится, ^{онъ} что сынъ той Луизы, которая жила въ домѣ его отца въ качествѣ родственницы. Это поразило самолюбиваго юношу: у него тотчасъ возникъ вопросъ, почему онъ незаконный сынъ и если незаконный, то почему его положеніе въ обществѣ должно быть ограничено.

Подобный же вопросъ возникалъ у Герцена и во время его любовной исторіи, длившейся три года и показавшей, что реальная обстановка жизни имѣетъ существенное значеніе и съ ней надо бороться. Дѣло въ томъ, что Герценъ полюбилъ одну свою дальнюю родственницу, но когда тетка ея замѣтила взаимную симпатію молодыхъ людей, она старалась по возможности мѣшать дальнѣйшему сближенію, и чѣмъ болѣе оно проявлялось, тѣмъ жесточе и суровѣе обращалась она съ племянницей; примѣнялись всѣ отвратительныя средства, выработанныя помѣщичьей средой: передъ дѣвушкой старались всячески унижить ея жениха и путемъ оскорбленій и лишеній отклонить ее отъ него. наконецъ, рѣшили выдать ее замужъ за другого. На

шелся, правда, человек; который искренно хотѣлъ на ней жениться, но, убѣдившись, что съ ея стороны нѣтъ никакого къ тому желанія, поспѣшилъ отказаться. Послѣ всего этого дѣвушку хотѣли услатъ куда-нибудь, но Герценъ, какъ разъ находившійся во Владимирѣ, увезъ ее и **обвѣнчался**.

Всѣ эти случаи изъ личной жизни Герцена убѣждали его, что нельзя жить мечтами, и Герценъ постепенно переходитъ къ болѣе практическимъ теоріямъ, отъ философіи Гегеля начинаетъ увлекаться Сень-Симономъ, и къ концу пребыванія въ Россіи онъ сталъ виднымъ представителемъ этой философіи, въ основѣ которой лежитъ идея совершенствованія человѣчества, но средства къ этому являются правильное распредѣленіе труда и вознагражденіе за него. Съ этого времени Герценъ становится проповѣдникомъ труда и той мысли, что трудъ одинъ можетъ доставить человѣку настоящее удовлетвореніе и является мѣрой личныхъ отношеній человека.

Такимъ образомъ, начавъ съ гегелизма, Герценъ постепенно перешелъ къ широкимъ общественнымъ идеямъ, социалистическимъ, и, живя въ Россіи, онъ мечталъ о Западной Европѣ, гдѣ интересы труда представлялись ему болѣе правильно осуществленными, и при первой возможности уѣхалъ туда /въ 1845 г./, а такъ какъ въ Россіи вскорѣ началась усиленная реакція, то рѣшилъ навсегда остаться за границей. Наиболѣе видный періодъ его дѣятельности падаетъ на 1845-1861 г., послѣ чего онъ, разочаровавшись и въ Европѣ, посвящаетъ

остатокъ своей жизни /онъ умеръ въ 1876 г./ революціонной дѣятельности.

Но въ 40-е годы Герцень не былъ единственнымъ лицомъ, задумывавшимся надъ необходимостью перейти отъ словъ къ дѣлу; онъ былъ слишкомъ рѣшителенъ и видѣлъ возможность осуществленія своихъ мыслей лишь въ Западной Европѣ. Какъ разъ въ это время, когда въ обществѣ стало замѣчаться стремленіе перейти къ активной дѣятельности, совершается и первое столкновеніе западниковъ со славянофилами. Прежде западники, исходя изъ общественныхъ идей, относились безучастно къ національному вопросу, игравшему столь видную роль у славянофиловъ; на этой почвѣ окончательно разошлись оба теченія, и такіе люди, какъ Хомяковъ, Аксаковъ, находили, что у нихъ нѣтъ почвы для объединенія. Славянофилы были правы въ томъ, что они считали необходимымъ дать новыя основы русской жизни, и стремленія ихъ сдерживались тѣмъ подозрительнымъ взглядомъ, который имѣло правительство на русскія общественныя теченія. Славянофильство представлялось, правда, болѣе угрожающимъ тѣмъ сторонамъ жизни, которыми особенно дорожила бюрократія.

Ставя на первое мѣсто національный вопросъ, славянофилы старались опредѣлить основныя черты націи, какъ историческаго явленія, и органическія черты считали необходимымъ возстановить въ той формѣ, въ которой онѣ функционировали въ прежнее время; поэтому они и были ближе къ активной

дѣтельности, чѣмъ западники. Поскольку же славянофилы старались приложить свои взгляды къ литературной дѣтельности, они терпѣли неудачи: благодаря ряду цензурныхъ комитетовъ, всякое проявленіе ихъ отмѣчалось болѣе старательно, чѣмъ беспочвенныя мечтанія западниковъ.

Положеніе славянофиловъ и западниковъ вообще опѣнивалось отрицательно, зато націоналистическая группа, старавшаяся о сохраненіи при всѣхъ условіяхъ существующаго строя, попала прямо въ объятія правительства и одна пользовалась кредитомъ его. Но правительство, замѣтивъ готовность націоналистовъ поддерживать его, требовало исполненія всего того, что входило въ составъ правительственной программы, и среди націоналистовъ произошелъ нѣкоторый расколъ: одни охотно шли навстрѣчу правительству, стараясь оправдывать всё его мѣропріятія /таковы были Сенковскій, Булгаринъ, Гречъ/, другіе, какъ Шевыревъ, Погодинъ, не старались всюду идти за правительствомъ и отчасти сближались съ славянофилами въ стремленіи осуществить свою національную идею почти такъ, какъ понимали ее славянофилы. У славянофиловъ же была та сторона въ дѣтельности, которую уважали ихъ противники-западники, именно ихъ умѣренность, осторожность и трезвость мыслей. Такое настроеніе въ славянофильствѣ было создано, главнымъ образомъ, двумя теоретиками его: К. Аксаковымъ и Хомяковымъ, и о дѣтельности ихъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Константинъ Аксаковъ стоялъ, такъ сказать, на порогѣ

между **реальной** жизнью и теоріей, и главная идея, осуществле-
нія которой онъ искалъ въ обществѣ и личной жизни, была типич-
ная для славянофила идея **цѣльности** единства. Съ одной
стороны идеальный строй мыслей, съ другой необходимость при-
мѣненія къ дѣйствительной жизни произволили какъ бы конфликтъ
въ его душѣ, но онъ старался его ослабить, что въ значитель-
ной степени ему и удалось; происходя изъ среды матерьяльно
обеспеченной, живя въ Москвѣ, вдали отъ крѣпостного права,
онъ не соприкасался близко съ нимъ и могъ закрывать глаза на
уродливое явленіе русской жизни. Въ частности К. Аксаковъ
искалъ опоры славянофильскихъ воззрѣній прежде всего въ оп-
редѣленіи основныхъ качествъ и задачъ русской народности, ко-
торья онъ старался найти въ русской исторіи. Дѣленіе, прове-
денное между исторіей Россіи до Петра и послѣ Петра, было
обосновано именно имъ.

Признавая власть неизбѣжнымъ элементомъ въ русской на-
родности, онъ отрицательно относился къ дѣятельности Петра,
хотя не осуждалъ его, поскольку osoba носителя власти была
для него священна, и лишь съ чувствомъ боли и сожалѣнія смот-
рѣлъ на его дѣятельность, какъ на ошибку. Но какъ бы мягко
ни старался онъ оплакивать дѣятельность Петра, ему не вѣрили,
и диссертация его, ^{въ} которой разсматривалась Петровская рефор-
ма, какъ ошибка, не роковая, правда, а поправимая, если вве-
сти въ русскую жизнь начала, отодвинутыя ею, тѣмъ не менѣе
сдѣлала его подозрительнымъ въ глазахъ правительства.

Отъ исторіи Аксаковъ обратился къ непосредственному изученію народности: въ это время среди славянофиловъ возникло определенное теченіе, когда Кирѣевскій сталъ во главѣ собирателей памятниковъ устной народной словесности; въ собраніи матеріала Аксаковъ искалъ разрѣшенія своего вопроса. Онъ старался, изучая народную словесность, оправдать складъ древней Руси, рисовавшійся ему близкимъ къ идеальному, и въ работѣ "Богатыри времени князя Владимира" онъ пробуетъ доказать, что въ нашихъ былинахъ, какъ произведеніяхъ сѣдой древности, отразился строй древней Руси, но, говоря о строѣ древней Руси, онъ наталкивается на вопросъ, о которомъ, правда, онъ не желалъ бы самъ заводить рѣчь, именно на вопросъ о существѣ власти въ древней Руси, при чемъ приходитъ къ мысли, что общественно-родовой строй ея предполагаетъ свободныя начала жизни. Бюрократія въ такомъ выводѣ опять увидѣла колебаніе основъ, и Аксаковъ послѣ этого замолкаетъ, какъ литературный представитель славянофильства.

Въ 1847 г., когда "Москвитянинъ" попадаетъ на нѣкоторое время въ руки славянофиловъ, Аксаковъ пробуетъ проповѣдывать національно патріотическія идеи въ немъ, но въ этомъ честномъ, прямомъ чловѣкѣ неудовлетвореніе современнымъ строемъ настолько было прозрачно, что его горячая проповѣдь народности привела къ закрытію журнала. Главнымъ недостат-

комъ Аксакова было то, что его личный міръ слишкомъ мало соприкасался съ жизнью и уходилъ въ сферу идей, мечтаній. Прекрасныя мысли его не находили отзвука въ окружающемъ, потому что стояли слишкомъ изолировано, а затѣмъ Аксаковъ предлагалъ болѣе принять ихъ на вѣру, чѣмъ подкрѣплялъ доказательствами: необходимо признать народный строй, какъ наивысшій, онъ является залогомъ наивысшаго будущаго Россіи и т.п. Въ общемъ проповѣдь его имѣла мало успѣха и этотъ недочетъ въ славянофильской доктринѣ въ значительной степени старался дополнить Хомяковъ.

Хомяковъ происходилъ изъ типичной дворянской семьи и былъ выдающимся человѣкомъ по своему таланту и горячимъ убѣжденіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличался крѣпкимъ чутьемъ дѣйствительности, въ немъ удачно сочетались горячность романтизма съ трезвымъ отношеніемъ къ дѣлу, съ чувствомъ реальной жизни, и по этимъ качествамъ онъ былъ наиболѣе цѣннымъ человѣкомъ въ развитіи славянофильства. Искусный диалектикъ, блестяще образованный, онъ все направилъ къ тому, чтобы обезпечить главныя основы славянофильскаго движенія, и положилъ всю свою жизнь на обоснованіе ихъ научно-историческимъ путемъ, почему труды его пріобрѣтаютъ особенное значеніе. Онъ началъ свою литературную дѣятельность, какъ очень многіе въ то время: онъ сталъ писать стихотворенія, не имѣющія опредѣленнаго характера, большею частью это стихотворенія личныя, любовныя и вообще салонная, которыя пи-

сались въ большомъ количествѣ въ дворянской средѣ. Но уже рано въ немъ начали пробиваться слѣды народно-націоналистическихъ воззрѣній, на что повліяли политическія событія 30-хъ годовъ, какъ польское возстаніе, турецкая война и др.

Хомяковъ не могъ пройти мимо ихъ, и условія воспитанія до извѣстной степени предопредѣлили его отношеніе къ нимъ. Онъ былъ воспитанъ въ семьѣ консервативной, гдѣ были крѣпки помѣщичьи традиціи, и, какъ русскій патріотъ-дворянинъ, Хомяковъ реагировалъ на польское возстаніе. По поводу его онъ пишетъ стихотвореніе, подобное "Клеветникамъ Россіи" Пушкина; въ немъ онъ возмущается стремленіемъ Европа вмѣшиваться въ отношенія славянъ между собою и горячо замѣчаетъ, что споръ между ними является слѣдствіемъ политики Запада, для котораго единеніе славянъ представляется опаснымъ, и тутъ же выражаетъ увѣренность, что русскій орелъ покроетъ своимъ крыломъ и защититъ славянъ отъ гнилого Запада. Въ это время Хомяковъ сближается съ А.О.Смирновой /тогда еще Россетъ/, и она ему очень нравится. Красавица, замѣчательно образованная, она тѣмъ не менѣе не можетъ удовлетворить его вполне, и онъ пишетъ ей стихи, въ которыхъ расхваливаетъ ея качества, но во то же время говоритъ, что она для него чужда, какъ чужда она Россіи не интересующей ее.

Эта націоналистическая жилка показываетъ, что Хомяковъ выходитъ уже на свой путь общественно-политической дѣятельности; во время турецкой войны онъ отправляется даже въ

дѣйствующую армію, съ которой доходитъ, правда, только до Дуная, потому что война кончается, но испытываетъ рядъ новыхъ впечатлѣній; война рисуется ему, проникнутому патриотическимъ духомъ, какъ рядъ побѣдъ русскихъ надъ невѣрными, подъ которыми онъ объединяетъ и магометанъ и европейцевъ. Начало дѣятельности Хомякова до извѣстной степени является отзвукомъ на опредѣленныя патриотическія теченія въ русской жизни, но, подъ конецъ своего поэтическаго періода онъ пробуетъ создать болѣе крупную вещь и пишетъ поэму "Ермакъ".

При развитіи русской исторической драмы въ то время, произведеніе Хомякова является довольно отсталымъ: она патриотична, въ ней ясно сквозитъ идея великой миссіи Россіи. Ермакъ рисуется, какъ носитель идеи единства Россіи, обнимающей славянскіе народы міровой державы. Вскорѣ послѣ "Ермака" Хомяковъ ѣдетъ за границу, гдѣ проводитъ около двухъ лѣтъ большей частью въ Англіи, занимаясь изученіемъ зап. евр. жизни; въ ней онъ впрочемъ ищетъ только новыхъ матерьяловъ для обоснованія того порядка идей, который онъ считаетъ выработаннымъ для себя окончательно, и подъ этимъ угломъ зрѣнія погружается въ изученіе исторіи Европы.

Параллельно съ этимъ онъ переходитъ къ изученію религіознаго вопроса, объ отношеніи между христіанствомъ западнымъ и восточнымъ, и, конечно, прѣимущества послѣдняго являются для него предрѣшенными: онъ ищетъ только научныхъ основаній для этого. Поддерживая православіе во всѣхъ его обря-